

ОТЕЧЕСТВО-РОССИЯ

РУССКАЯ
ОДЕЖДА

В18

ОТЕЧЕСТВО-РОССИЯ

Владимир Вардугин

РУССКАЯ ОДЕЖДА

03

история народного костюма
от скифских до советских времён
с очерками обрядов, обычаев,
нравов и суеверий
иллюстрированная гравюрами,
рисунками и фотографиями
мастеров XVIII — начала XX века,
с приложением рассказа,
как самим сшить нарядное платье
по старинному крою

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ
ЦГБ

САРАТОВСКИЙ ПРОЕКТ
Саратов
Региональное Приволжское издательство
«Детская книга»
2001

V

88662 - 2

САЛАКОВСКАЯ ОБЪЕДИНЕННАЯ
ЦЕНТРАЛИЗОВАННАЯ

УДК 391(470)
ББК 63.5(2)
В 18

Федеральная программа
книгоиздания России

Рецензент *И. В. Шульгин*

На форзацах помещены репродукции картин:

первый форзац:

А. Г. Венецианов. Жнецы. Б. М. Кустодиев. Ярмарка (фрагмент);

второй форзац:

В. М. Максимова. Семейный раздел.

М. И. Тербенева. Крестьянская свадьба (фрагмент).

Вардугин В. И.

В 18 Русская одежда: История народного костюма от скифских до советских времён. — Саратов: Регион. Приволж. изд-во «Детская книга», 2001. — 352 с.: ил. — (Отечество — Россия).

ISBN 5-8270-0247-X

Особенность этой книги в том, что в документально-публицистическом повествовании не только излагается история русской одежды с незапамятных времён до нашего времени, но и предпринята попытка объяснить красоту старинных одежд самобытностью русской цивилизации, уникальностью душевного склада нашего народа. Автор приводит сведения об обрядах, обычаях, нравах и суевериях, связанных с одеждой. В последней главе книги специалист-швея Т. Г. Кайль даёт рекомендации, как в современную одежду встроить элементы древнерусской, чтобы костюм наш стал красивым и элегантным. Издание иллюстрировано многочисленными гравюрами, рисунками, фотографиями.

В $\frac{0503020000-03}{Д24(03)-2001}$ без объявл.

УДК 391(470)
ББК 63.5(2)

ISBN 5-8270-0247-X

- © Региональное Приволжское издательство «Детская книга», 2001.
- © Владимир Ильич Вардугин, автор, 2001.
- © Геннадий Михайлович Панфёров, художник, 2001.

● ВСТРЕЧАЮТ ПО ОДЕЖКЕ... ●

Однажды в небольшом провинциальном городке довелось мне побывать на концерте детского фольклорного ансамбля. Смотрел на сцену, где ребятаки самозавенно водили хоровод, пели протяжные, нежные наши старинные песни, которые вот так, в хороводе, но не на сцене, а где-нибудь на зелёном берегу Оки или Волги водили на Троицу их прабабушки, и мне казалось, что не в зрительном зале нахожусь, а перенёсся в стародавние века, когда и слова такого — «фольклор» — не знали, однако жизни своей не мыслили без песни и пляски в праздничный день. Отрадно было слушать звонкие ребячьи голоса, старательно выводившие «Ай, чучу, ай, чучу, я горох молочу...» К великому сожалению, ныне очень и очень редко услышишь настоящую русскую песню. По телевизору — разве в передаче Заволокина «Играй, гармонь», а в жизни — лишь на сцене, где подвижники пытаются из последних сил спасти от забвения наши великолепные песенные россыти...

Порадовали глаз и праздничные наряды — пёстрые девчоночьи сарафанчики, изящные сапожки с каблучками, ребячьи вышитые косоворотки, картузы с красным цветком над блестящим лакированным козырьком, лихо заломленные над русыми чубами. Глядя на резвившихся на сцене детей, так хотелось верить, что это — не концерт, не представление, а сама красота вернулась в наш дом. Увы, последние иллюзии развеялись, когда после концерта столкнулся с юными артистами на крыльце Дома культуры — они уже переоделись в свои повседневные одежды: вместо сапожек — кроссовки, вместо сарафанов — джинсы; мальчишки, спрятав картузы в сумки, напялили на русые чубы нелепые на их веснушчатых лицах бейсболки с огромными козырьками и с такими же большими английскими буквами: «USA».

Традиционную русскую одежду в наших сёлах носили ещё в первые послевоенные годы. Не в диковинку были косоворотки, хромовые сапоги «в гармошку», сарафаны, пуховые шали. Потом незаметно-незаметно их вытеснила «городская» одежда, вскоре химические комбинаты приодели наших щёголей в нейлоновые рубашки и болоньевые плащи. Красота проиграла моде, «прогрессу», «современности». Молодёжь, и за нею и всё общество затвердило: бабушкины одеяния (пусть яркие, нарядные, удобные и ноские) безнадежно устарели, мол, новые времена — новые и песни (да вот беда: многие так до сих пор и не поняли, что поют с чужого голоса).

Конечно, объяснять «переодевание» одним техническим прогрессом — нельзя. Смена одеяний — только симптом грозной болезни: утраты народом своего самосознания.

У историков есть термины — «расказачивание», «раскрестьянивание». Оглядываясь на уходящий XX век, можно утверждать, что мы столкнулись с «раснационализацией» русского народа. Спроси сегодня любого русского, что для него значит — «быть русским», — и он вряд ли вразумительно ответит на сей вопрос.

К 60-м годам XX века русские сменили свою великолепную русскую одежду на космополитическую униформу (рубашка, брюки, пиджак), потому что изменился сам способ проживания жизни. Если при патриархальном строе мужик пахал землю, дабы вырастить хлеб свой насущный и сеял лён, чтобы соткать полотно на рубашку, то в XX веке, оторванный от земли, он стал зависеть не

от своего умения и радения, а от милости государства (т. е. чиновников). Захотят — и школу в селе закроют, и больницу. И вот уже село — не процветающее, а — неперспективное. Да и с той же одеждой: одно — внушили, что кофточка устарела, а другое — исчезла сама традиция шить одежду самим, стали носить то, что завезут в село. Русский человек попал в плен, гораздо худший татарского ига. Тогда русскому, обираемому баскаками до шитки, при всём при том не возбранялось верить в своего Бога и устраивать свой быт по своему произволению. Сегодня же он вынужден жить по правилам, не им придуманным, не от его предков идущим.

Однако глубинные основы бытия трудно, если не невозможно, вытравить из жизни. Наш замечательный этнограф Иван Михайлович Снегирёв в книге «Русские в своих пословицах», изданной в 1832 году, утверждал, что «народность, при единстве человечества, имеет свои отличительные черты, столь глубоко проведённые природой и духом народным в нравах, обычаях, поверьях и языке, что хотя многое в течение времени и изменяется, но всегда нечто остаётся неизменным». Вот это-то «нечто», — а именно: русский дух, — и позволит нам преодолеть столь затянувшуюся болезнь чуждести.

«А нужно ли возвращать в нашу жизнь одежды наших прабабушек? Не будет ли это смешно?» — спросит обыватель, сбитый с толку многолетним враньём газет и иных «средств массовой информации». Что ответить на этот отнюдь не простой вопрос? По-моему, если возвращать великоление нашего традиционного костюма в эту жизнь, — будет не столько смешно, сколько грустно и — обидно за тот же сарафан. Представьте, если явится ныне этакий анти Пётр I и насильно оденет всех в зипуны, армяки, ферязи, кафтаны... Блистая жемчужными пуговицами на душегрее, уличная торговка станет предлагать прохожим, выряженным в расшитые золотом зипуны, — американскую жвачку и сигареты «Marlboro»... Ничего, кроме оскорбления нашей святыни — русского духа — из насильного переодевания не получится. Недаром же в народе метко окрестили «ряжеными» тех казаков, которые не проявили себя ничем, кроме ношения казачьих мундиров.

Насильный слом традиционных основ жизни русского переменял и его обычаи, нравы, быт. В том числе и одежду. Возвращение традиционного уклада вызовет к жизни и национальный костюм, ныне забытый совершенно, — естественно, в иной, обогащённой прожитыми годами форме, приспособленный к новому времени. Иначе и быть не может, ибо, как замечал Гоголь, народность заключается не в сарафане, но выражается и посредством сарафана тоже.

А любить можно лишь то, что хорошо знаешь. Поэтому нам книги, рассказывающие о русских национальных одеждах и показывающих их красоту и величавость, нужны не столько для того, чтобы читатель в очередной раз удивился, де, как изящно шили наши прабабушки, но прежде всего для того, чтобы он, читатель, осознал, как жили наши предки, знал бы и осознал, что мы потеряли за этот страшный век «разнародывания» русского человека.

Вячеслав Михайлович КЛЫКОВ,
академик, Президент Международного фонда
славянской письменности и культуры

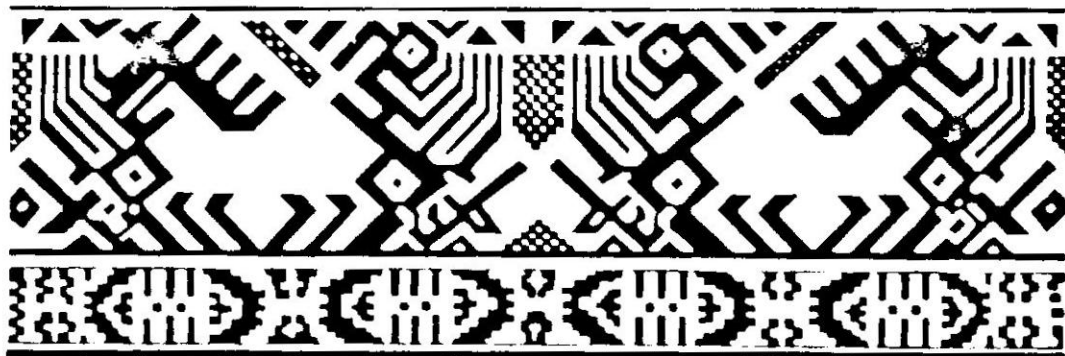
БЕЗ КОРНЯ
И ПОЛЫНЬ
НЕ РАСТЁТ

А. Г. ВЕНЕЦИАНОВ
Кормилица с ребёнком

Только не начинай от Адама и Евы», — говорят тому, кто в рассказе о конкретном событии слишком углубляется в его предысторию, ищет истоки случившегося в библейских временах. Рассказ об одежде не может не начаться с наших прародителей: именно с них ведёт свой отсчёт история человечества вообще и история одежды — в частности.

В Священном Писании, в книге «Бытия», в третьей главе читаем: после того, как Ева и Адам вкусили плод с запретного древа познания, «открылись глаза у них обоих, и узнали они, что наги и сшили смоковые листья, и сделали себе опоясания». Такова, по свидетельству Библии, первая одежда (а в Раю, до грехопадения, «были оба наги, Адам и жена его, и не стыдились»). Когда же за ослушание Бог изгнал первых людей из сада Едемского на землю, то «сделал Господь Бог Адаму и жене его одежды кожаные и одел их».

С тех самых пор, с первых лет жизни на земле люди и шьют одежду только из растительных волокон (конопля, лён, хлопок) и тканей животного происхождения (шерсть, пух, меха, шёлк).

А как же лавсан, полистирол, капрон и прочие чудеса химии? Гардероб современного человека невозможно представить без одежды из синтетики. Да, именно современного. Прошло всего каких-то лет семьдесят из многотысячелетней истории, как люди научились шить облачения из химических волокон. И — получили различные аллергические заболевания: кожа чешется, на ней выступает сыпь, появляются волдыри — не хочет терпеть на себе то, что не идёт из райских кущ — «смоковых листьев» да «одежд кожаных». А старообрядцы, — люди, сохранившие донныне обычаи предков, живших многие столетия назад, — считают людей, наря-

женных в синтетическую одежду, и вовсе как бы неодетыми. Можно, конечно, посмеяться над их «темнотой и отсталостью», но... Если вы студёным зимним днём наденете бельё из синтетической ткани, а на другой день — из хлопчатобумажной, то, как говорится, на своей шкуре убедитесь в правоте старообрядцев: синтетика плохо греет. В жару же она не пропускает воздух и тело парится (в зной нет ничего лучше охлаждающей шёлковой рубашки).

Итак, Адам и Ева, облачённые в «одежды кожаные», стали обустраиваться на земле. Художники обычно изображают их либо в звериных шкурах, либо с куском ткани, обвёрнутым вокруг бёдер. А как на самом деле выглядел их костюм? (Известное выражение «в костюме Евы», означающее полное отсутствие одежды, относится к жизни в Раю; на земле первая супружеская пара уже не могла жить без одеяний из-за холода). Первый наряд их, из листьев смоковницы, крепился на поясе, что же до покроя одежд кожаных, то на сей счёт Библия не распространяется. Кроя-то, собственно, и не требовалось: они просто запахивались в шкуры. Крой появился лишь в XIII веке по Рождеству Христову: к тому времени познания в геометрии, умение разворачивать объёмы на плоскости позволили кроить и шить одежды по форме человеческого тела. А способ ношения одежды посредством простого обвёртывания шкуры или ткани вокруг тела назывался драпировочным. Он — самый древний. За тысячелетия своего существования люди придумали ещё два: накладной и распашной.

Драпировочный костюм состоит из обвёрнутого вокруг тела куска ткани, скреплённого непосредственно на фигуре. В наше время он сохранился в жарких странах — в Индии, Бирме, Непале, а в древности применялся повсеместно, о чём свидетельствуют изображения на предметах прикладного искусства (вазах, амфорах, гребнях и т.п.) Египта, Греции, Рима. Седую древность — античные времена — называют детством человечества. Примечательно, что и все мы как бы вырастаем — в прямом и переносном смыслах — из тех времён, хотя и не помним о том: ребёнка пеленают — вот вам и драпировочный костюм.

Накладной костюм — надеваемый через голову; мы как бы накладываем его на плечи. С этим типом одежды сталкиваемся ежедневно, зимой и летом, надевая по утрам платье либо рубашку.

Распашной костюм — имеющий впереди разрез сверху до-

низу. Халат, жилет, пальто, шинель, кофта, сюртук — всё это распашные одежды.

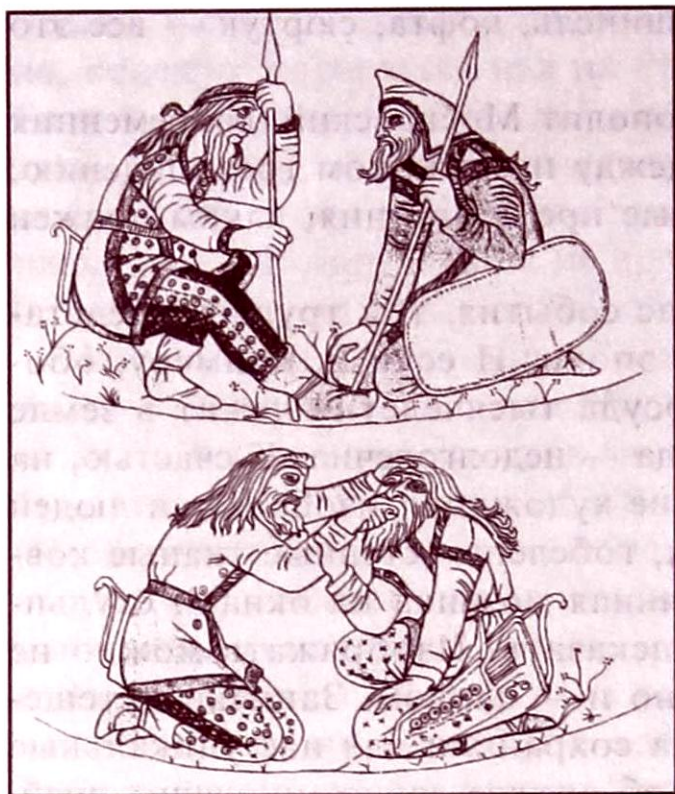
Святитель Филарет, митрополит Московский, современник Пушкина, образно назвал одежду памятником грехопадению. В разные эпохи были и разные представления, каким должен быть этот «памятник».

Чем дальше отстоят от нас события, тем труднее представить людей и предметы той эпохи. И если, к примеру, обожжённая в огне глиняная посуда тысячелетия лежит в земле или на дне морском, то одежда — недолговечна. К счастью, на тех же самых амфорах древние художники изображали людей в одеяниях. Фрески в храмах, гобелены (стенные тканые ковры), витражи (цветная стеклянная мозаика на окнах), скульптуры тоже многое могут подсказать. Изобразить можно не только линией и красками, но и — словом. Записки путешественников, летописи, письма сохранили для нас уникальные свидетельства, в том числе и об одежде давно минувших дней. Вот так, по крупицам, историки собирают сведения о наших далёких предках. К сожалению, о быте древней Руси сохранилось гораздо меньше свидетельств (как материальных, так и запечатленных в слове), нежели о европейских странах. И это понятно: войны у нас были скорее правилом, чем исключением. Русичам приходилось биться со свирепыми ордами кочевников, да и «просвещённый» Запад не упускал случая, благоприятного для грабежа восточного соседа. Русские деревянные города при нашествиях азиатов ли, европейцев ли — сгорали дотла. Вот почему из богатейшего книжного наследия уцелели немногие рукописи, сохранившиеся чудом.

У замечательного русского поэта Ивана Бунина есть стихотворение «Без имени»:

Курган разрыт. В тяжёлом саркофаге
Он спит, как страж. Железный меч в руке.
Поют над ним узорной вязью саги,
Беззвучные, на звучном языке.
Но лик сокрыт — опущено забрало.
Но плащ истлел на ржавленной броне.
Был воин, вождь. Но имя Смерть украла
И унеслась на чёрном скакуне.

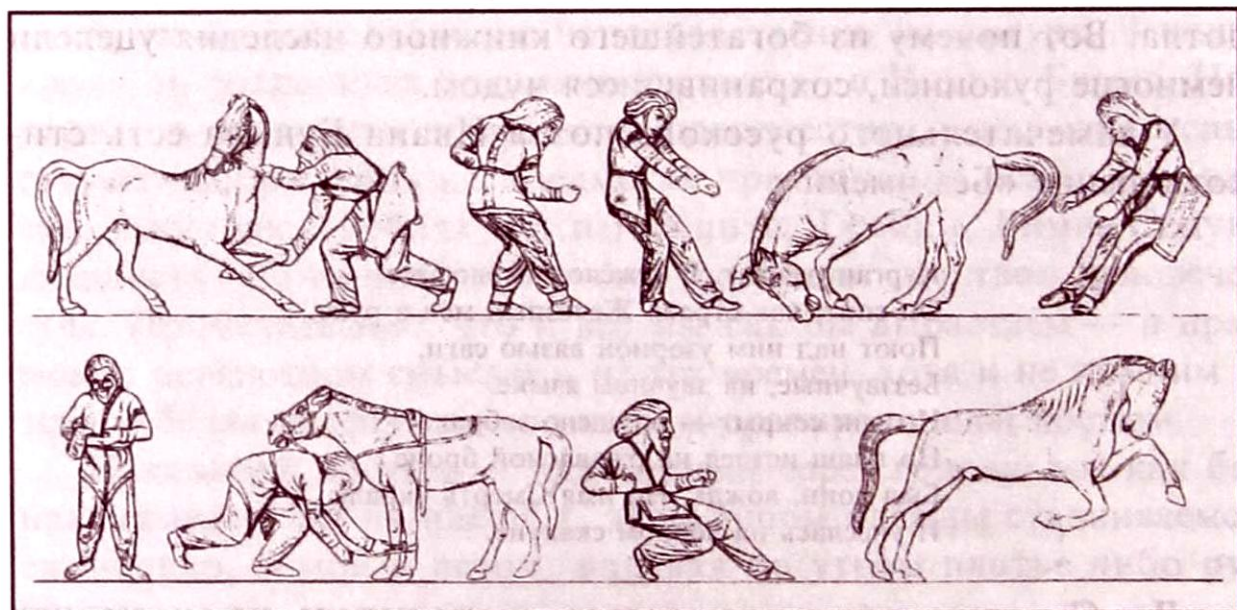
Да, Смерть скрадывала многое, и мы теперь не знаем, как назывались в глубокой старине те или иные вещи, даже если

*Одежды скифо-сарматской эпохи по вазе,
найденной в Куль-Обском кургане,
III—II век до Р.Х.*

они каким-то невероятным образом и дошли до нас. Сравнительно недавно, в семидесятых годах нашего столетия археологи раскопали возле старинного русского города Владимира захоронение людей, живших, — трудно себе и представить! — более двадцати тысяч лет назад. Среди предметов, найденных в погребении — меховые штаны, не перепревшие в земле за тысячелетия каким-то чудом. Штаны, как оценили учёные, достаточно удобные, напоминали соответствующую часть современного

эскимосского костюма. (Если кому-то покажется невероятным, что в доисторические времена портные шили одежду не хуже, чем нынешние швеи в ателье, — то это от вбитого в наши головы предположения о происхождении человека от обезьяны.

Одежды скифо-сарматской эпохи по вазе, найденной в Чертомлыцком кургане

Нет, люди всегда были людьми — не более дикими, чем сейчас. Веками совершенствуется лишь рукотворная техника, а чувства, разум, воля человека — неизменны).

Открытие заставило учёных переменить взгляд на историю этого предмета: считалось, что штаны изобрели кочевники-скотоводы, оседлавшие лошадь и перегонявшие свои стада по степным просторам Евразии —

штаны защищали кожу ног всадников от потёртостей. Лошадь же человек приручил всего шесть тысяч лет назад.

Находка советских археологов спутала карты не только историкам одежды. Загадочный житель владимирских лесов, охотившийся на пушных зверей там, где в то время, по мнению официальной науки, лежал километровый слой ледника, никак не вписывался и в знакомую всем по школьной программе схеме: очаг цивилизации разгорелся-де на Ближнем Востоке в IV—III тысячелетиях до Рождества Христова, затем цивилизация медленно распространилась на восток и север, достигнув Русской равнины (на которой и стоит город Владимир) уже в первом тысячелетии нашей эры. Как же так?

Ещё в XIX веке американский историк В. Уоррен и индийский учёный-филолог из касты потомственных брахманов Бар Гангадгар Тилак пришли к заключению: прародину человечества надо искать не на Юге, а... на Крайнем Севере, в районе Северного полюса! Свои изыскания американец изложил в книге «Найденный рай, или Колыбель человечества на Северном полюсе» (последнее, десятое издание книги вышло в Бостоне в 1893 году). В 1903 году свою книгу «Арктическая родина в Ведах» опубликовал и Б. Г. Тилак.

Тилак, превосходный знаток санскрита (литературного языка древней Индии, на котором написана большая часть древнеиндийской литературы), обратил внимание на слова индийского эпоса «Махабхарата» о высокой горе Меру, находящейся на северной окраине мира: «Здесь год — это сутки, делящиеся пополам на день и ночь. Над горой висит неподвижно Дхрува

Сарматская одежда по изображениям на ритоне, найденном в Кубанской области, III—II век до Р.Х.

(Полярная Звезда), вокруг которой ходят звёзды — Семеро риш (Большая Медведица), Арундхати (Кассиопея) и другие». Но в Индии эти созвездия не видны! В «Авесте», основном памятнике зороастризма, религии древних иранцев, говорится о «начале мира», где солнце никогда не заходит, где «...день — это то, что является годом».

Но ведь солнце не заходит за горизонт за Полярным кругом! Тилак обратил внимание, что в некоторых ведических гимнах воспевается наступление полярного дня, когда заря сменяет зарю, пока наконец-то однажды над землёй не покажется «пламенея лучами Сурьи» (т.е. солнце). В Заполярье освещённость земли распределяется так: три месяца солнце не заходит, четыре месяца (весной и осенью) заходит постепенно и день укорачивается, два месяца сумерек и три месяца тьмы, полярной ночи. Удивительным образом всё это и описывается в «Ригведе» — священной книге арийцев (древних индоиранцев). Но удивительным только в том случае, если считать, что арийцы создавали мифы на юге.

Столетие, истекшее со времени выхода в свет трудов В. Уоррена и Б. Г. Тилака, подтвердило их правоту. Новые открытия в археологии, астрономии, палеоклиматологии позволяют утверждать с большой долей вероятности: прародина человечества могла быть в Арктиде. Наши соотечественники и современники доктор исторических наук Наталия Гусева и публицист-историк Алексей Трехлебов ответили на многие вопросы, возникающие в связи со столь непривычным адресом древнейшего обиталища арийцев (Н. Гусева. Глубокие корни. — В сб. «Дорогами тысячелетий», М. Молодая гвардия, 1991. А. Трехлебов. Наша Арктическая прародина.— Спб., «Потаённое», № 2, 1996.).

Прежде всего возникает каверзный вопрос: как же люди жили на Северном полюсе, там же очень холодно?

Кратко можно ответить так: тысячелетия назад мягкий климат на Северном полюсе позволял вызревать плодам растущих там деревьев; океан затопил сушу на самой северной точке планеты позднее.

Возможно ли это? Ведь мы видим: на экваторе жарко потому, что солнце светит с зенита, а в приполярных областях, где солнечные лучи лишь скользят по земной поверхности, — холодно. Но вот американский космический аппарат «Вояд-

жер-2», исследовав в 1986 году седьмую планету Солнечной системы — Уран, а в 1989 году Нептун, восьмую планету от Солнца, передал на Землю информацию: на той и на другой планете холоднее всего в экваториальных областях, хотя именно эти поверхности больше других согреваются солнечными лучами. На Уране вообще самая тёплая точка оказалась на неосвещённой стороне, где ночь длится десятки земных лет. «Виной» тому — геомагнитные полюса планет. Тысячелетия назад и на Земле геомагнитный полюс и связанный с ним ледовый купол находились на экваторе. В настоящее время географический и магнитный полюса не совпадают на 11 градусов, а ранее несовпадение полюсов было ещё значительнее. Климат же континентов зависит не только от угла падения на них солнечных лучей, но и в не меньшей степени от положения геомагнитных полюсов.

По данным палеоклиматологов Е.П. Борисенкова и В.М. Пасецкого, опубликованным в их книге «Тысячелетняя летопись необычайных явлений природы» (М., 1988), в VIII — V тысячелетиях до Р. Х. температура на Севере даже в январе не опускалась ниже 0°C, что подтверждают и зороастрийские предания о том, что «много-много тысячелетий тому назад около Северного моря, там, где теперь расположен Арктический пояс, был иной климат». О том же свидетельствует и рассказ Плиния (I век до н. э.) о гиперборейцах, поселившихся в лесах и рощах Севера и питающихся древесными плодами (Плиний также говорит, что именно там находится точка вращения мира и солнце заходит лишь один раз в год). В скандинавских сагах упоминается о находившейся когда-то в Северном Ледовитом океане «стране блаженных».

В книге «Новые данные по геохронологии четвертичного периода» (М., 1987) указано, что в X — VII тысячелетиях до Р.Х. на Крайнем Севере росли сосновые и еловые леса, берёзовые рощи перемежались степями со злаково-разнотравным покровом почвы.

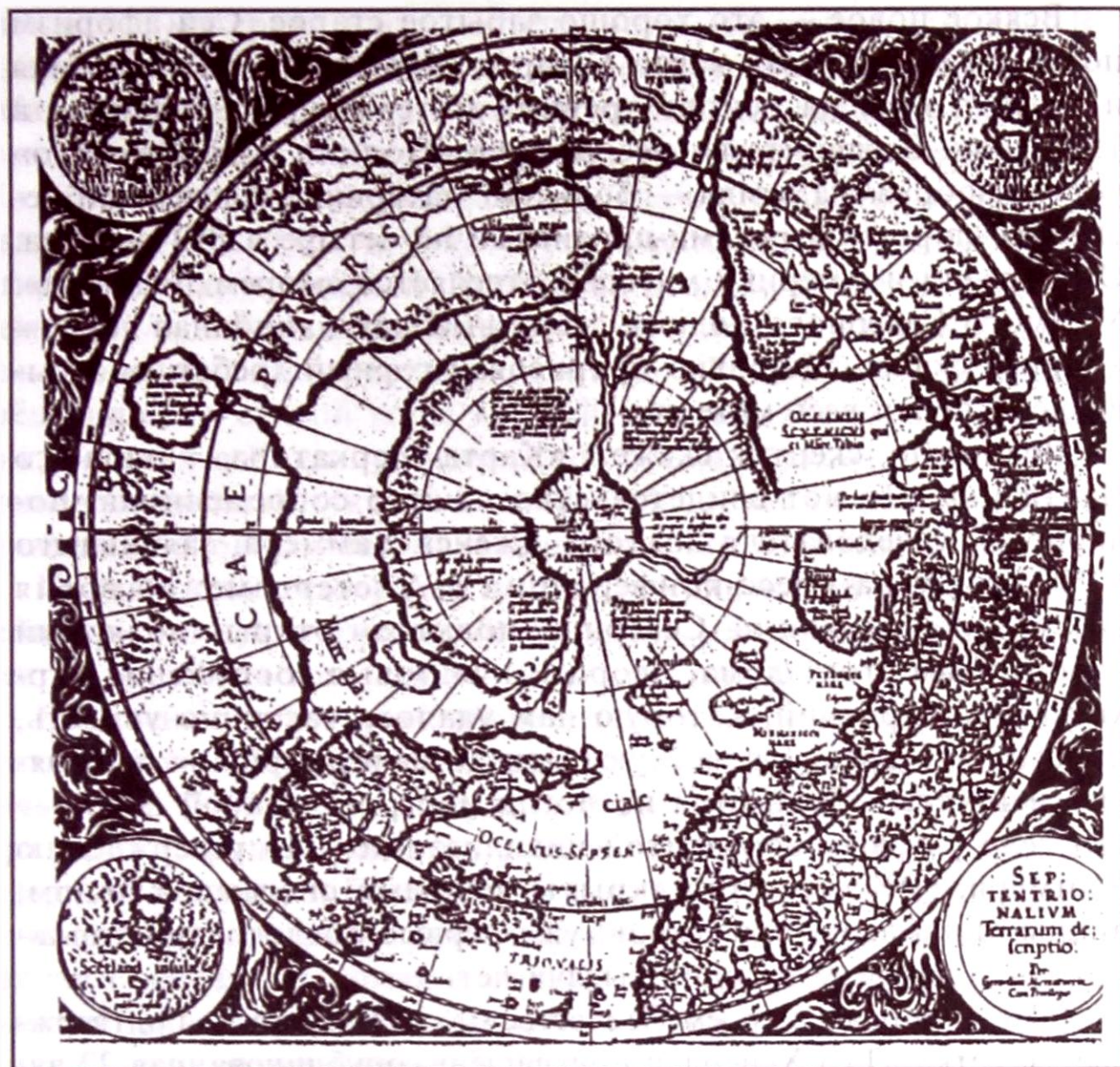
Учёные вот уже не одно столетие ищут легендарную Атлантиду. Возможно, она-то и затонула в Северном Ледовитом океане. Ведь и сегодня острова, расположенные в самом холодном океане, продолжают засасываться морской пучиной. В 1823 году на остров Семёновский в море Лаптевых высадился лейтенант Пётр Анжу, исследователь Крайнего

*«Потерявшиеся»
Гиперборейские горы. Ныне это
погребенные в пучину Северного
Ледовитого океана подводные
хребты Ломоносова,
Менделеева и Гаккеля. Они
протянулись с запада на
восток, как на то и
указывается в ведических,
древнегреческих и других
письменных источниках.*

Севера. Он измерил длину острова — 15 километров. В 1912 году моряки с корабля «Вайгач» нашли в нём всего 5 километров. В 1936 году советские гидрографы отметили длину острова, равную километру, а в 1955 году острова Семёновского не нашли вообще, обнаружив на его месте лишь песчаную отмель под водой. Точно так же исчезли острова Васильевский, Меркурий, Фигурин, Деомид, нанесённые на карту в XVIII веке. Ныне уменьшается протяжённость береговой линии островов Новосибирского архипелага. Например, скорость наступления океана на остров Большой Ляховский достигает тридцати метров в год, и лет через двадцать и его постигнет участь Земли Гиллеса и Земли Андреева, поглощённых морем.

Учёные, исследовав Северный Ледовитый океан, составили карту его дна. От острова Врангеля до острова Эсмир у берегов Канады протянулась подводная гряда гор — хребет Менделеева. Параллельно ему тянутся под водой хребты Ломоносова и Гаккеля. Их вершины погружены на глубину до километра. Драги (плавучие сооружения для добычи полезных ископаемых со дна моря) подняли с вершин подводных хребтов

Карта Герарда Меркатора, изданная его сыном Рудольфом в 1595 году. Составлена она на основании сведений как того времени, так и гораздо более ранних эпох. В центре карты изображена легендарная Арктида (Гиперборея).

гальку, щебень, валуны, гравий, песок — типичные материковые осадки. На Новосибирских островах, острове Врангеля, Северной Земле ныне находят бивни мамонтов, кости быков и других травоядных животных — ещё одно свидетельство существования древней Арктиды.

Известные советские востоковеды — индолог Г.М. Бонгард-Левин и иранист Э. А. Грантовский, — проанализировав в книге «От Скифии до Индии» (М., Мысль, 1983) мифологию и эпические произведения древних иранцев и индийцев, указывают на местоположение священных Рифейских гор — Арктида, район Северного полюса.

Всякое новое — это хорошо забытое старое. Сей афоризм подтверждает вот эта карта Герарда Меркатора, составленная им в XVI веке на основе древних материалов и изданная в 1595 году. Взгляните на неё: вокруг «Полюса Архтического» чётко изображена земля — большой материк, разделённый четырьмя широкими реками-проливами на четыре части острова. От Евразии и Америки материк отделяется «морем Ледовым». У самого Северного полюса стоит высокая одиночная гора — «Чёрная скала». Детально прорисован горный хребет, опоясывающий почти весь материк.

Возможно, скептик скажет: «Карта Меркатора — плод его фантазии». Но вот свидетельство нашего современника, полярного исследователя доктора Дженса Хаммера, заявившего в 1993 году на пресс-конференции в Амстердаме: во время своего путешествия на Северный полюс он открыл полярный город; «Там стоят дома, дворцы, культовые сооружения. Архитектура строений, которую нам удалось частично увидеть, напоминает древнегреческую. Эти дома и дворцы — настоящее искусство. Эскимосы не могли построить такой город — это дело рук высокоразвитой цивилизации». По утверждению Хаммера, 90% строений скрыты вечными снегами и льдом, видны лишь верхушки домов; уже первые обследования показали, что зданиям не одна тысяча лет.

(«Нет пророка в своём Отечестве», — сей афоризм подтверждает заметка «Тур Хейердал приглашён», опубликованная 22 августа 1997 года в «Российской газете». В ней говорится: «Известный путешественник Тур Хейердал приглашён для участия в проекте, первым этапом которого стала начавшаяся научно-исследовательская экспедиция «Гиперборея-97». Как сообщил корреспонденту ИМА-Пресс руководитель экспедиции историк и философ Валерий Дёмин, они собираются повторить маршруты русского исследователя Александра Барченко, который ещё в начале века обнаружил в районе Сейдоозера древние памятники и даже культовую пирамиду. Общая задача проекта — поиск следов древних цивилизаций на Кольском полуострове».)

Материк Арктида, существовавший на Северном полюсе, затонул, вероятно, в результате глобальной катастрофы, происшедшей, как указывают календари египтян, ассирийцев, майя в 11542 году до Рождества Христова. Возможно, катастрофа не была внезапной, а жителям Арктиды пришлось пере-

селяться с материка из-за постепенного ухудшения климата. В Авесте говорится, что Бог предупредил вождя ариев Имму (Ману) о гибели благодатного острова: «На землю изойдут губительные зимы, они принесут снег на 14 пальцев глубины... Поэтому сделай Вара («варать» — значит плавать; отсюда — «варяги» — В. В.)... и туда собери всех: и овец, и коров, и птиц, и собак, и красный пылающий огонь». Такое же предупреждение о гибели содержится и в «Ведах». А в «Махабхарате» так описан исход ариев с Арктиды: «Родоначальник Брами свёл индов со святой горы Меру и, проведя сквозь воды Каспия, оставил в Кашмире нести своё бремя. Брахманов же (священнослужителей) укрыл в священной обители древних Риш (учителей человечества), находящейся в Гималайских горах.

Продвигаясь с севера на юг, жители погибшей Арктиды заселили огромную территорию Евразии, разделившись на множество племён, в том числе — и на славянских.

По мнению некоторых учёных, славянские племена стали известны около 12 тысяч лет назад, когда Европа и Азия заселились белой (Иафетической) расой. Освоив территорию Южного Урала, они продвинулись на равнину между Аральским морем, северным Каспием и Приазовьем. Быстро и активно заселяя различные территории, покоряя и подчиняя встреченные народы, белая раса основывала древние цивилизации и культуры. В различных местах эти племена стали известны под разными именами. В Индии — под именем ариев, в Европе — под названием этрусков, на Ближнем Востоке и в Малой Азии — рассенов.

Через несколько тысячелетий, под влиянием различных факторов, в частности естественного увеличения численности, расселения на огромной территории, частичной ассимиляции покорённых народов, геоклиматических и геофизических изменений единое племя этрусков — рассенов — арийцев распалось на многочисленные племена белой (Иафетической) расы. В исторической науке эти племена получили название индоевропейцев или арийцев. К индоевропейцам относились древние племена кельтов, галлов, франков, бургундов, тевтонов, англов, саксов, пруссов, лужан, бодров (бодричей), дрегов (дреговичей), полян, вятов (вятичей), радимов (радимичей), ляхов, кривов (кривичей), словен и т.д. Эти же племена у различных древних авторов известны под названием скифов, сарматов, антов, готов, венедов, вандалов, галилеян, хеттов, лувов (лувийцев), гиксов.

В результате исторических процессов двух последних тысячелетий на основе индоевропейских племён сформировались современные нации белой расы — англо-саксы, французы, германцы, славянские народы Западной Европы и русская нация.

Николай Яковлевич Марр (1864-1934), учёный-языковед с мировым именем, в своих трудах вскрыл в недрах русского языка огромное этрусское наследие (или этрусцизмы), и притом среди наиболее коренных русских слов. Количество этих слов в русском языке несравненно больше, нежели в языках англичан, французов, германцев и других народов — потомков индоевропейских племён. «В самом племенном наименовании Рус, Русский, — говорит Н. Я. Марр, — мы имеем прямое отложение племенного наименования этрусков-рассенов».

Иван Алексеевич Бунин в стихотворении «Слово» писал:

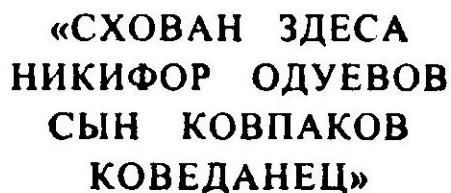
«Молчат гробницы, мумии и кости, —
Лишь слову жизнь дана:
Из древней тьмы, на мировом погосте,
Звучат лишь письмена».

Но письмена звучат только тогда, когда живы люди, умеющие читать начертанное на камне, папирусе, бумаге... Археологи обнаружили надгробные плиты с загадочными надписями в Италии, где раньше обитали этруски. При раскопках древнего города Трои, воспетого великим Гомером в «Илиаде», найдены предметы быта с надписями. Однако не осталось на свете ни этрусков, ни троянцев, и письмена их молчали. Не смогли прочесть ни строчки и археологи на Крите — острове, где зародилась самая древняя цивилизация в Европе. Подобно мартышке с очками из басни Крылова, прикладывали они к обнаруженным загадочным письменам то греческий, то латинский, то арабский алфавит — молчали письмена. И зазвучали, едва русский учёный-славист XIX века Ф. Воланский обратился при расшифровке к славянским наречиям.

В наши дни работы Ф. Воланского продолжил Геннадий Гриневич. В своём капитальном труде «Праславянская письменность. Результаты дешифровки» он доказал, что славянскими буквами выполнены древнейшие на Земле письменные памятники — тэртерийские надписи (V тысячелетие до н. э.), протоиндийские надписи (XXV — XVIII века до н. э.), критские надписи

(XX — XIII века до н. э.), этрусские надписи (VIII — II века до н. э.) и надписи, найденные на территории современного расселения славян и исполненные так называемым письмом типа «черт и резов» (IV — X века н. э.).

А вот в Карию, на юго-западе Турции, нашли надгробную плиту на захоронении VI века до Рождества Христова с выбитыми словами, понятными русскому без перевода:

«СХОВАН ЗДЕСА
НИКИФОР ОДУЕВОВ
СЫН КОВПАКОВ
КОВЕДАНЕЦ»

Теперь понятно, почему на древних греческих картах Чёрное море именовалось Русским? Приходят на ум и слова М. В. Ломоносова из главы «О дальней древности славянского народа» его книги «Древняя российская история»: «Величие и могущество славянского племени началось за многие веки до разорения Трои» (троянцев Ломоносов относил к славянам-венедам).

«Никифор Одуевов, сын Ковпаков» — кариец. О карийцах можно прочитать у «отца истории» Геродота, знавшего о них не понаслышке, поскольку сам был наполовину, по матери, карийцем: родился и вырос в культурном и торговом центре Карию, городе Галикарнасе.

В наши дни открываются всё новые и новые факты, подтверждающие правоту сербского историка Иоанна Раича (1726-1801), замечавшего в своей «Истории разных славянских народов»: «Мавробин — рагузинский аббат в славянской истории из разных авторов доказует, что Иафетово племя славяне в несравненно великие и многие народы произошли, имели, — пишет он, — 200 отечеств и населились на оных местах, которые суть от горы Тавра Киликийского к северу при Океяне Северном в половине Азии и по всей Европе даже до океяна Британского. Из Азии славяне в Европу пришли по странам Чёрного (Азовского — В. В.) моря, язык их от славы именуется, потом назван скифским».

Археологи, историки, лингвисты подтвердили существование в прошлом хотя и не всех «двухсот отечеств» наших предков, но и не одной только Киевской Руси. В древнее время существовало множество русских государств. Наиболее известное

из них — союз росов-расенов в Италии XI — III веков до н.э., вошедших в историю под латинским именем этрусков. Во Фракии (ныне — европейская часть Турции и часть Болгарии) русы создали наиболее сильное государство. Уже в XIII веке до н.э. царь фракийских русов Рэс (как утверждают греческие мифы) принимал участие в Троянской войне против греков-ахейцев. Воины Рэса обликом напоминали запорожских казаков: они брили голову и оставляли клок волос — оселедец или чуб, из-за чего греки прозвали их «чубатыми». Государство Фракийских русов просуществовало свыше тысячелетия, не устояв под натиском воинов Александра Македонского.

Из русских государств известны также: западнославянская Русь (впоследствии — немецкое княжество Рейсе, просуществовавшее вплоть до 1920 года), Балтийская Русь, Донская Русь, Дунайская Русь (независимое княжество, затем — герцогство в составе Венгрии), Рюгенская Русь, Мекленбургская, Испано-Галицкая, Франко-Руссильонская, Норвежско-Нидаросская, Поморская, Шведско-Лапландская Русь.

«Прежде славянские языки были распространены на большей, чем сейчас, территории Европы, — установила языковед Галина Белякова. — Ещё в XVIII веке по-славянски говорили на левом берегу Эльбы (Лабы), к юго-востоку от Гамбурга. Странствующие купцы в XVI веке утверждали, что в Любеке, на Балтике и в Греции говорят по-славянски. Об этом свидетельствуют многочисленные географические названия на территории, заселённой в настоящее время немцами, венграми, датчанами и другими народами. Берлин — древнеславянское название рыбацкого селения, которое было расположено на землях славян, живших за Одером. Один из районов Берлина носил название Нова Весь, и только Гитлер переименовал его. Хемниц — это Каменица, Лейпциг — Липск, Дрезден — Дрезно. Название Будапешт образовано из славянских слов Буда (славянское «будына» — строение) и Пешт (пещера) на скалистом берегу Дуная. Славянские названия сохранились в Дании на островах Лалланд и Фальстер» (Г.С. Белякова. Самобытность славянской письменной традиции. «Русский вестник», № 41–44, 1992).

Самым устойчивым среди русских государств оказалась Днепровская Русь, пишет историк Владислав Тищенко в статье «Происхождение Руси» («Русский вестник», № 23–25, 1996). Днепровские русы — это потомки тех самых геродотовских бо-

рисфенитов, скифов-пахарей, тавроскифов и сколотов. Сколоты (буквально: «потомки Солнца») — одно из самоназваний русов, создавших в VIII веке до н.э. три царства, которые объединили восточнославянские земли от Днестра до Днепра.

История древнего мира «населена» фактами, из которых непреложно следует: русские — один из древнейших народов мира, создавший не одну, а несколько уникальных цивилизаций! Славянская же культура послужила основой всей европейской цивилизации (достаточно красноречив такой факт: греки свой алфавит заимствовали у пеласгов, славянского племени, завоёванного эллинами во II тысячелетии до Рождества Христова — см. книгу А. Д. Черткова «О языке пеласгов, населявших Италию, и сравнении его с древнеславянским», М., 1865). Однако учебники истории и поныне навязывают нам точку зрения: до прихода в Новгород князя Рюрика в 862 году из Швеции русские «сидяху на деревьях и дрожяху от страха», то есть были дикими лесными племенами, это баснословие идёт со времён первых «русских» историков — немцев Фридриха Миллера, Готлиба Байера и Августа Шлецера, предложивших «единственно верную» теорию о происхождении русского государства от скандинавского князя немецкого происхождения Рюрика. Михаил Васильевич Ломоносов и его сподвижники Василий Кириллович Тредиаковский (1703–1768) и Степан Петрович Крашенинников (1711–1755) как могли, сдерживали фальсификаторов: в результате дискуссий, в которых Ломоносов опроверг все измышления немцев, Миллера даже исключили из числа академиков, а его сочинение по «русской» истории уничтожили. Но умер Михаил Васильевич, Миллера простили, и немцы опять стали учить русских русской истории, как им заблагорассудится. Если же кто сомневался в их правдивости, то тех или травили в печати, или замалчивали. Так, Иоакимовскую летопись, на основе которой Василий Никитич Татищев (1686–1750) в своём фундаментальном труде «История Российская с древнейших времён» доказал, что Рюрик — не немец; а славянин, внук Новгородского князя Гостосмысла, а Русь до 862 года — высокоразвитая держава, — Иоакимовскую летопись объявили фальшивкой. И до 1917 года любой историк, если он хотел преуспеть и получить профессорскую кафедру, должен был придерживаться доктрины норманизма (т. е. о начале русской государственности с 862 года).

Публиковали свои труды и честные историки. Так, русский дворянин Егор Иванович Классен (1795–1862), по происхождению немец, издал в 1854 году книгу «Новые материалы для древнейшей истории славян вообще и славяно-руссов до Рюриковского времени в особенности с лёгким очерком истории руссов до Рождества Христова». Спорить с Классеном норманисты не решились — слишком основательны и неопровержимы его выводы о первенствующей роли славян в истории древнего мира, а потому его труд просто-напросто «не заметили».

СКИФАМИ НАЗЫВАЮТЪ:	
Сарматовъ	Геродотъ, Страбонъ и другіе
Гунновъ	всѣ почти историки
Массагетовъ }	почти всѣ греч. историки
Тирагетовъ }	
Роксоланъ }	Плиній
Хазаръ }	
Радимичей }	Греки (по Нестору)
Вятичей }	
Хорватовъ } или вообще славянъ	
Дулебовъ }	
Оуличей }	
Тиверцовъ }	
Славянъ	Птолемей и мн. византийцы
Аланъ }	Птолемей
Аорсовъ }	
Ахтырцевъ (Agathyrsi) }	
Русовъ	Свидасъ, древняя географія, Конст. Багрянород., Анна Комнена, Левъ Діаконъ, Киннамъи и мн. др.

Приводим здесь две таблицы из книги Е. И. Классена, из которых следует, что скифы — наши прямые предки, а вовсе не метафора знаменитых строк Александра Блока «Да, скифы — мы! Да, азиаты — мы...»

САРМАТАМИ НАЗЫВАЮТЪ:

Скиѳовъ
 Гунновъ

Геродот
 Многие

Алан-Руссовъ (Alanorsi)
 Тавроскиѳовъ
 Ахтырцевъ (Agathyrsi)
 Алан Скиѳовъ
 Аорсовъ
 Антовь }

Скимнъ Хиос.
 Птолемей и Periр.
 Pont, Eux.

Аланъ

{ Маркианъ Геракл.,
 Птолемей, Шафарикъ и др.

Роксоланъ (Русь-аланъ)
 Яксаматовъ

Тацитъ, Антонъ и др.
 Шафарикъ и др.

Яциговъ

{ Ам. Марц., Св. Иерон,
 Шафарикъ и др.

Венедовъ

{ Пеутян. табл. Птолем.
 Прокопій, Папа Сильвестр II-й, Клуверій.

Славянъ разныхъ племеньъ

{ Птолемей, Ам. Марцел. блаж. Иеронимъ,
 Иорданъ, Антонъ и мн. др.

Сербовъ

Плиній Прокопій,
 Антонъ.

Руссовъ

Халкокондила

АЛАНАМИ НАЗЫВАЮТЪ:

Русь-Аланъ (Roxolani, Roxi-Alani, Rossi-Alani)

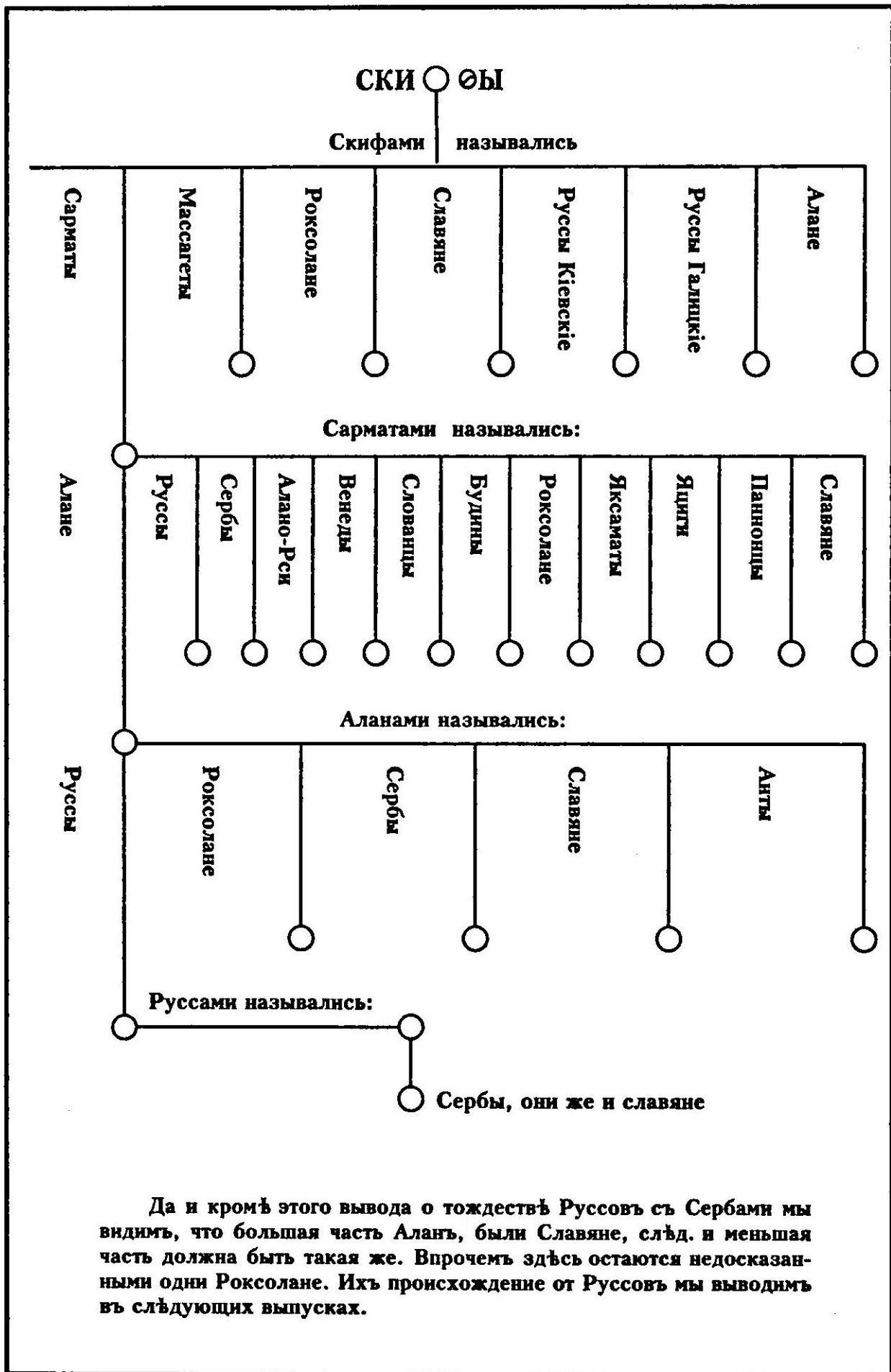
{ Плиній,
 Тацитъ,
 Страбонъ

Антовь }
 Славянъ }

Прокопій.

Порусей, Порусичей (Borussi-Borusci)
 Руссовъ или Россовъ

Птолемей,
 Грузинская исторія

Проанализировав сотни свидетельств древних авторов — Геродота, Страбона, Плиния, Птолемея, Тацита и других, — Классен заключает: «И так вывод наш состоит в том, что особенных народов, под названием скифов, сарматов и алан не было; что Руссы соплеменны ближе всего Сербам, что следовательно Руссы суть Славяне». Призывая изучать древность нашего народа прежде всего языковедов, Классен восклицает: «Тогда вся древняя история Европы, запятнанная местами невежеством и невежеством некоторых псевдоучёных, очистилась бы как зеркало!»

Через полвека его призыв услышал историк П. К. Степанов, выпустивший в Петрограде первый том «Истории русской одежды», посвящённый описанию облачений скифов. Досконально изучив все известные к тому времени изображения обитателей причерноморских степей, ознакомившись с результатами археологических раскопок скифских курганов, П. К. Степанов тщательно описал одежды как мужчин-воинов, так и их спутниц.

Самое поразительное в его исследовании — необычайное сходство облачений кочевников, живших задолго до Рождества Христова, с одеждой русских крестьян XVII столетия.

Перелистаем и мы эту интереснейшую книгу, напечатанную небольшим тиражом в 1916 году и ныне малодоступную широкому читателю.

Как подчёркивает П. К. Степанов в предисловии, в своей работе он стремился «отказаться от всего сомнительного и пользоваться лишь строго проверенными данными».

«Если путём кропотливого изучения нашей исторической одежды мы всё же можем определённо судить о ней по дошедшим до нас памятникам: фрескам, иконам, миниатюрам и т.д., то вопрос о возникновении одежды доисторической Руси, в которой должны лежать основы последующих форм, представляется более сложным, — писал П. К. Степанов. — Многовековой путь отделяет нас от доисторических времён, много народов, расселяясь из своей общей прародины, приносили с собой веру, закон, особый социальный строй, один народ сменялся другим, более сильным, но каждый прибой человеческой волны приносил в общую сокровищницу нашей земли новый дар. Если по общей совокупности всех этих вкладов мы лишены возможности воссоздать полную картину доисторических вре-

мён, то для нашей задачи весьма ценно уже и то, что мы можем отыскать в них первые основные и характерные элементы нашей одежды, украшений, следы нашего быта. И какими далёкими ни казались бы нам древние обитатели нашей земли: скифы, сарматы и другие народности, как бы ни были спорны гипотезы об отношении к ним позднейших племён — славян, в вопросе, рассматриваемом настоящим трудом, существенным представляется взгляд: какую культуру дали нам древние обитатели нашей страны, имевшие по отношению к земле много общих условий с более поздними поколениями, и какое отношение мы, современные обитатели, имеем к этой культуре».

Возвратимся к замечанию Александра Блока «Да, скифы мы...» Всё же не мы скифы, а — наши предки. Если история любой семьи, рода складывается из жизнеописаний отца, деда, прадеда и т.д., то история народа включает как его собственные деяния, так и свершения предшествующих народов. Для русичей история выстроила такой ряд предков: русский народ (великороссы, малороссы, белорусы) вышел из союза славянских племён; славяне в свою очередь наследовали скифам; скифы — потомки индоиранцев, или арийцев, древнейших обитателей Евразии. Конечно, в истории не всё так прямолинейно. В замечании П. К. Степанова: «Один народ сменялся другим, более сильным», — я бы заменил глагол: не сменялся, а — сливался: «Один народ сливался с другим, более сильным». Так, половцы не исчезли, но растворились в малороссиянах: оттого-то у дивчин и парубков жгучие, чёрные глаза — наследие степных кочевников. И как внук не может быть похож в равной степени и на деда по отцовской, и на деда по материнской линии, так и ныне здравствующие народы усвоили себе от одних предшественников больше, от других — меньше нравов, традиций, обычаев. Об одних предках мы знаем многое, о других — почти ничего. Скифам — «деду» русского народа — повезло: о быте и бытие этого высококультурного, развитого народа, обитавшего на степных пространствах от устья Дуная до Аральского моря, писали греки Аристей, Гекатей, Геродот, Гиппократ. Первые упоминания о скифах относятся к VII веку до Рождества Христова. Наиболее полно описал их жизнь Геродот. Примечательно, что «отец истории», как величают Геродота, сам много путешествовал, заезжал и в скифские края, поэтому его свидетельства отличаются точностью и дос-

товерностью. Итак, о наших далёких предках Геродот рассказывал: «Начиная от торжища Борисфенитов (это самый срединный из приморских пунктов всей Скифии), первыми живут каллипиды, являющиеся эллинами-скифами, а выше их — другое племя, которое именуется алазонами. Эти последние, как и каллипиды, в прочих отношениях живут одинаково со скифами, но сеют и употребляют в пищу хлеб, а также лук, чеснок, чечевицу и просо. Выше алазонов живут скифы-пахари, которые сеют хлеб не для собственного употребления в пищу, а на продажу. Выше их живут невры, а страна, лежащая к северу от невров, насколько мы знаем, не заселена людьми.

Изображение гетов, даков и сармат на Траяновой колонне (100 лет по Р. Х.). На этом памятнике Римской империи типы даков напоминают русских. Рубашки их с разрезами на боках подобны тем, какие можно видеть на киевских и ладожских фресках. Колпаки похожи на те, которые можно видеть в наших русских памятниках и долгое время сохранялись на Руси, вплоть до XX века. На ногах постолы; рубашки с прямым воротом, напоминающие те, которые носили в XIX веке малороссы и западные славяне.

«Эти племена живут по реке Ипаниду (Буг) к западу от Борисфена (Днепр); а если переправиться через Борисфен со стороны моря, то, во-первых, будет Полесье, а от него вверх живут скифы-земледельцы, которых эллины, живущие на реке Ипанид, называют борисфенитами, а самих себя эти эллины зовут олвиополитами. Эти скифы-земледельцы к востоку занимают пространство на три дня пути вплоть до реки, носящей название Пантикапа (Конка, Конская), а к северу — пространство 11-ти дней плавания вверх по Борисфену. Над ними на обширное пространство раскинулась пустыня; за пустыней живут андрофаги (людоеды), особое племя, вовсе не скифское. Выше их лежит настоящая пустыня и там не живёт, насколько нам известно, ни один народ.

К востоку от этих скифов-земледельцев, за рекой Пантикапом, обитают уже скифы-кочевники, ничего не сеющие и не

пашущие; вся эта страна лишена деревьев, за исключением Полесья, эти кочевники к востоку занимают область на 14 дней пути, простирающуюся до реки Герра (Донец).

По ту сторону Герра находятся так называемые царские владения и живут самые лучшие и многочисленные скифы, считающие прочих скифов своими рабами. Занимаемая ими местность простирается к югу до Таврики, а к востоку — до рва, который выкопали потомки слепых, и до торжища при Мэотийском озере (Азовское море), называемого Кримнами; частью же их владения простираются до реки Танаида (Дон). Местности, лежащие к северу от царских скифов, занимают меланхлэны («черноризцы»), особое, не скифское племя. Выше меланхлэнов, насколько нам известно, лежат озёра и безлюдная пустыня.

За рекою Танаидом — уже не скифская земля; первый из заречных участков земли принадлежит савроматам, которые, начиная от угла Мэотийского озера, занимают пространство на 15 дней пути к северу; во всей этой земле нет ни диких, ни садовых деревьев. Выше савроматов, на втором участке, живут будины, занимающие местность, сплошь покрытую разнородным лесом.

Выше будинов, к северу, сначала простирается пустыня на 7 дней пути, а за пустынею, более в направлении к востоку, живут фиссагеты, племя многолюдное и особое; живут они охотою. Рядом с ними в той же местности живёт народ, называемый иирками; они также промышляют охотою следующим образом: охотник, взобравшись на дерево, которыми густо покрыта эта страна, подстерегает зверя; у каждого наготове лошадь, приученная ложиться на брюхо, чтобы казаться ниже, и собака. Когда охотник с дерева завидит зверя, он стреляет из лука, потом садится на коня и пускается в погоню, причём не отстаёт и собака. Выше иирков, по направлению к востоку, живут другие скифы, отделившиеся от царских и прибывшие в эту землю.

Вся описанная мною страна до области этих скифов представляет собою равнину с глубокой почвой, а начиная отсюда земля становится камениста и неровна. Когда пройдёшь значительное пространство этой неровной страны, у подножья высоких гор обитают люди, которые, как говорят, все плешивы от рождения, как мужчины, так и женщины, курносы и с большими подбородками; они говорят на особом языке, одеваются по-скифски, а питаются древесными плодами. Дерево, плодами которого они питаются, называется понтиком и по величине более всего подхо-

дит к смоковнице; оно приносит плод, похожий на боб, с косточкой внутри; когда он созреет, его выжимают сквозь ткань, причём из него вытекает густой чёрный сок; название вытекающего сока — асхи; его лижут или пьют, смешав с молоком, а из оставшейся гущи делают лепёшки и едят их. Скота у них немного, потому что пастбища у них небогатые. Каждый из жителей селится под деревом, которое на зиму окружает плотным белым войлоком, а летом оставляет без войлока. Их не обижает никто из людей, так как они считаются священными; у них даже нет никакого оружия. Они разбирают споры, возникающие между их соседями, а когда какой-нибудь изгнанник прибегает под их защиту, то его уже никто не трогает. Называется этот народ агриппэями».

Перечисляя племена не скифского происхождения, Геродот говорит, что одевались они как скифы. Это свидетельствует об однородности одежды всех живших в Скифии племён. Истоки однородности надо искать в более древнем и общем возникновении одеяний скифов и их соседей.

На гробнице Дария, персидского царя, жившего в 522–486 годах до нашей эры, среди изображённых представителей народов, покорённых Дарием, мы видим и скифов (хотя Дарию так и не удалось победить скифов; напротив, он сам едва сумел уйти из скифских степей вос-

Варварский наряд по прориси семикратного увеличения фотографии с резного перстня работы Афинада из женской гробницы на Митридатовой горе, близ Керчи.

Голова в митре с Персепольского рельефа, Иран.

вояси с остатками войска.). Геродот так описывает их одежды: «Саки, т.е. скифы, имели на головах кирбасии — остроконечные шапки из твёрдого войлока, одеты были в штаны, имели туземные луки, короткие мечи и секиры».

Помимо описания Геродотом скифских племён массагетов, обитавших к востоку от Каспийского моря, родственная связь скифской одежды с нарядами переднеазиатских племён просматривается на золотой пластинке с изображением азиатского скифа (найдена в Амударьинском кладе) и на серебряном умбоне (центральной украшении щита) со сценой охоты.

Скиф на золотой пластинке одет, судя по отсутствию на его одежде складок, в кожаный кафтан с узкими рукавами, богато украшенный золотыми бляшками, идущими двумя полосами по бокам от плеч к подолу, по плечам, вокруг предплечья и подола, и в такие же кожаные неширокие штаны, заткнутые в короткие сапоги. Голова его закутана башлыком или митрой (митра — головной убор, весьма распространённый среди народов переднеазиатского Востока; он накладывался таким образом, чтобы закрывать всю голову, щёки и подбородок).

Древние обитатели нашей земли, скифы, носили одежду, как созданную под влиянием местных, южно-русских, условий, так и перенесённую на новые места их заселения многовековую одежду своих предков, обычаи которых они свято чтити и охраняли от эллинского влияния.

Занятия охотой и скотоводством, а также суровый климат предопределили однообразный характер одежды скифов, подмеченный ещё Гиппократом в его сочинении «О Воздухе, Водах и местностях»: «Обитатели страны (Скифии) так похожи видом друг на друга: носят одну и ту же одежду летом и зимой». Обычно одежды шили из выделанных звериных шкур, обращая их мехом внутрь. Наряду с шерстяными или войлочными тканями находим у скифов льняные, конопляные или пеньковые. Конопля, весьма похожая на лён, росла и в диком виде, и засеивалась, значительно превосходя лён высотой и толщиной. Льняные и конопляные ткани расцветивались пёстрыми узорами, на что указывает Геродот в описании Кавказских гор: «В тамошних лесах есть и деревья, покрытые листьями такого рода, что их растирают, смешивают с водой и этим составом рисуют себе на одежде узоры. Эти узоры не смываются и стареются вместе с тканью, как бы вотканые с самого начала».

Скифы любили ромбообразные и шашечные узоры, характерные и для их предков, малоазийских народов, и для потомков — узоры скифских тканей сильно напоминают узоры малороссийских плахт — домотканых юбок.

Раскопки скифских курганов засвидетельствовали распространение в быту скифов тканей ионийского и

египетского происхождения, украшенных очертаниями самых причудливых животных, человеческих фигур, растительных узоров. Обычай класть в могилу вместе с умершими любимые их вещи позволил нам узнать многое о быте скифов. Археологи, исследуя склепы, на стенах и сводах обнаружили железные крючья. Зачем их вбивали? Вероятно, на крючья вешали одежду: под крючьями лежали золотые бляшки, золотые полоски в виде лент и другие украшения с отверстиями для крепления их к одежде. В одном захоронении насчитали до 700 бляшек. Можно представить себе, как богато выглядел костюм знатного скифа с нашитыми на платье сотнями золотых украшений. Но это — праздничный наряд вождя. А как одевались простые воины?

Мужскую одежду составляли кафтан, шаровары (или неширокие штаны), башлыки, или же кирбасии, и сапоги.

Узкорукавный кафтан, в виде полушубка, назывался сисирна. Юлий Полидевк, живший во II веке по Рождеству Христову, так описывал сисирну: «...кожаный хитон, волосатый, с рукавами, употребляется скифами». Сисирна выкраивалась двумя косо идущими наперёд фалдами, которые заходили правой стороной на левую и удерживались в таком положении туго

Прорись серебряного умбона Аму-Дарьинского клада.

стянутым поясом. Отороченные верхние боковые края кафтана, если он выкраивался из звериных шкур, образовывали меховую опушку. Нижний край кафтана, судя по некоторым изображениям, вместо меховой опушки оторачивался обшивкой в виде каймы, а боковые части его иногда снабжались неглубокими набедренными разрезами. Доходя сбоку до половины бедра, кафтан спускался наперёд мысом.

Кроме длиннополых кафтанов носили и укороченные. Рукава иногда бывали длиннее руки; в таком случае излишняя длина их сокращалась или посредством наборных складок, располагавшихся по всей руке, или путём заворачивания у запястья.

Вероятно, надевался кафтан непосредственно на тело, так как ни одно из скифских изображений не показывает, что кафтан надевался на какую-либо исподнюю одежду.

Украшением кафтанов служили золотые бляшки, цветные стёжки, вышивки, нашивки. Золотые бляшки, в виде различных давленных изображений, располагались либо как придаточная декоративная часть к общему мотиву узора, либо образуя самостоятельно чередующиеся узоры, либо произвольно разбрасывались по одежде.

Вышитые по кожаной меховой одежде, узоры естественно давали выпуклую стёжку, рельеф которой мог увеличиваться при помощи кожи или жёсткой ткани, подложенных с внутренней волосистой стороны.

Нашивки в виде вышитых цветных полос украшали наплечные, боковые и наспинные части кафтанов.

Штаны были в виде широких матерчатых шаровар, или более узкие — анаксириды, кожаные или матерчатые. Шаровары ниспадали широкими полными складками, носились поверх обуви, удерживаясь, для удобства верховой езды, проходящими под ступней ляжками. Анаксириды затыкались в сапоги или, судя по некоторым рисункам, обвязывались вокруг щиколотки, что совпадает и с позднейшими изображениями сарматов. Украшениями штанов служили круглые золотые бляшки, вышивки и нашивки. Вышитые по меховым штанам узоры принимали характер стёжки. Матерчатые шаровары испещрялись крестиками, обшивались цветными полосами с ромбообразными или шашечными узорами. Узоры также были и ткаными.

Обыкновенно скифов и сарматов изображали с обнажёнными головами, со свободно развевающимися длинными волосами, которые иногда на висках и над лбом придерживались и разделялись тесьмой на отдельные пряди. На рисунках мы видим скифов то в кирбасиях, то в митрах.

Кирбасии — это остроконечные клобуки из твёрдого плотного войлока или кожи. Украшались они стёжками, золотыми бляшками, золотыми узорчатыми лентами или иными золотыми украшениями.

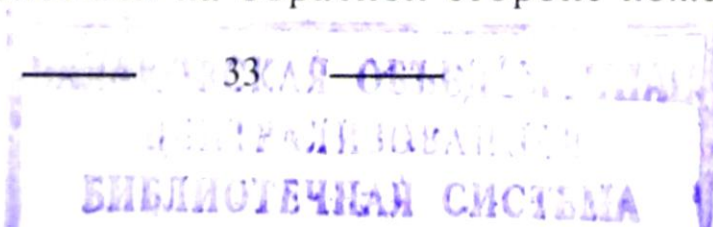
Митры представляли башлыки, снабжённые длинными нащёчными и короткой назатыльной лопастью. При помощи ленты, идущей вдоль лба, башлык прилегал к вискам, а свободные его лопасти плотно окутывали нижнюю часть лица. Иногда башлык имел весьма удлинённую назатыльную часть, разрезанную на такие же две лопасти, как и передние, служившие для обматывания боковых частей лица. Украшались башлыки золотыми бляшками.

Сапоги имели вид кожаного чулка, плотно прилаженного к ноге ремнями, охватывающими ступню и щиколотку. Обувь такого рода являлась настолько своеобразной, что древние именовали её скифской — «скифины». «Аргосские башмаки, всякому ясно, придуманы, очевидно, аргосцами, как «скифские» — скифами и «родосские» — «родосцами», — замечал Полидевк.

Сапоги изготовлялись из кусков вымоченной кожи, высушенных на колодках.

Ограниченное число рисунков, на коих запечатлены плащи, не позволяют говорить в подробностях об их покрое, форме и т.п. Однако терракотовая статуэтка варвара в плаще из волосистой ткани, хранившаяся в Императорском архивном комитете, фотографию которой прилагает в своей книге П.К. Степанов, обнаруживает поразительное сходство скифских плащей с знакомыми нам бурками. Такие толстые волосистые ткани, из которых скифы шили свои плащи, древние греки называли «gausarum», «gausara».

Скифы-воины любили носить золотые украшения. Мужские украшения состояли из: наборных поясов, гривен, браслетов, серёг и колец. Наборные пояса мы видим на многих изображениях скифо-сарматских памятников, а в могилах на остовах вокруг стана археологи находят золотые, бронзовые и железные пластинки с истлевшей на обратной стороне кожей. К по-

ясу прикреплялись меч и лук. Геродот указывает, что к поясу крепилась также и чаша. Вероятно, на поясе носили и ножи, огнива, мусаты (мусат — стальная полоса, округлая или гранная, для точки ножей). Такой вывод можно сделать потому, что в скифо-сарматских одеждах неизвестны карманы или какие-либо мешки: куда же ещё, как не на пояс, привешивались все вышперечисленные предметы, столь необходимые спутники охотничьей кочевой жизни?

Рассказывая о быте скифов, профессор русской истории Йельского университета (США) Георгий Владимирович Вернадский в своём капитальном труде «Древняя Русь» (издана в 1943 году) замечал, что скифская «одежда состояла из кожуха, кафтана и брюк. Большое внимание уделялось кожаному и украшенному орнаментированными металлическими пластинами поясу. Женщины носили просторное платье (сарафан) и высокий головной убор (кокошник)» (Г.В. Вернадский. История России. Древняя Русь. — Тверь — Москва, Леан, Аграф. — 1997, с.73).

Женскую одежду скифов древние художники запечатлевали не так часто, как одежду сильного пола, или же до нас не дошли многие такие изображения. Но и из тех рисунков, которые попали в руки учёных, можно представить, во что облачалась прекрасная половина скифского общества. Описывая платье

Женская одежда скифо-сарматской эпохи по прориси шестиквадратного увеличения фотографии с нашивкой бляшки из кургана близ села Верхний Рогач

скифянок, П.К. Степанов использовал отчёт археолога Н.И.Веселовского, раскопавшего в 1914 году Чертомлыцкий, Куль-Обский и другие курганы, работы археолога Фелицына (1887 год, курган Карагодеуашх в нижнем течении Кубани), исследования И.Е. Забелина (Чертомлыцкий курган близ Никополя Екатеринославской губернии).

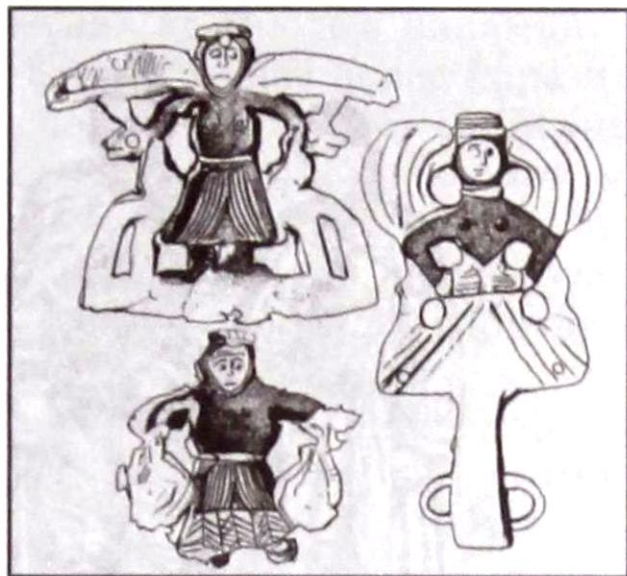
Женский скифо-сарматский наряд составляли: широкая длиннополая, снабжённая длинными рукавами одежда, вместе с другой, укороченной,

наподобие кафтана, служившие верхним одеянием; охваченная поясом широкая **рубашка**, собранная складками вокруг шеи или запястьев, служившая нижним одеянием; высокий или низкий головной убор, с накинутым поверх покрывалом, либо же башлык.

Верхняя длиннополая с длинными рукавами одежда — непосредственное доказательство связи древних обитателей русской земли с иранской культурой. Одежда эта носилась накинутой на оба плеча, наподобие плаща, от которого, вероятно, и произошла; застёгивалась на груди аграфом или завязками (аграф — застёжка, род украшенной камнями пряжки). Иногда одна рука продевалась в соответствующий, левый или правый, рукав. Носили верхнюю одежду и иным способом: продевая в прорезы руки и оставляя широкие рукава ниспадающими за спину или под руками. При надевании **кафтана** в рукава, рукава закреплялись у запястья, а излишняя длина их располагалась по руке наборными складками. Одежда эта подбивалась мехом и служила в холода, если же не оторачивалась мехом, то носили её в тёплое время года. Украшались кафтаны нашивками драгоценной ткани, золотыми вышивками и золотыми давленными украшениями.

Нижняя одежда — рубашка; она сбиралась на вздержку вокруг шеи, охватывалась поясом; рукав стягивался оборками вокруг запястья. Очевидно, нижние рубашки шились из льняных или пеньковых тканей. Более состоятельные люди носили рубашки из драгоценных тканей, которыми торговали Ионийские колонии Черноморского побережья.

Если И. Е. Забелин, описывая найденную им в Чертомлыцком кургане однородную бляшку, с полным основанием утверждал, что «головной убор вроде обыкновенного русского кокошника, нижняя одежда похожа на русскую женскую сорочку, а верхняя — на русский женский опашень или

Женские одежды скифо-сарматской эпохи по прориси с увеличенной фотографии изображений крылатой богини Александропольского кургана

I. Старинные одежды русских.

1) Эпохи варяго-русской (одеяние женское и мужское); 2) XI-го века, русско-византийский покррой (одеяние князя); 3) XVII-го века, допетровской эпохи (одеяние боярина, непарадное).

II. Покрой одежды татар и великороссов конца XIX века:

a, a) татарские бешметы с длинными и короткими рукавами; *b)* русский кафтан; *c, c')* рубахи — татарская и русская; *d, d')* русский тулуп сзади и спереди; *e, e')* сапоги, татарский с мягкой подошвой и цветной вышивкой на закаблучье, русский — с твёрдой подошвой и подбитым каблуком; *f)* монгольский кафтан.

телогрею и что все эти изображения во многом напоминают русскую старину даже XVII века», то ещё более поразительное сходство с русской одеждой представляют скифские одеяния, изображённые на бляшке, найденной археологом Н. И. Веселовским. Верхняя одежда скифов почти неотличима от русской однорядки. П. И. Савваитов, исследователь русской одежды, даёт такое определение: «Однорядка была верхней широкой, долгополой одеждой без воротника, с длинными рукавами, под которыми делались прорехи для рук; украшалась она кружевом, плетешком, нашивками, образцами и золотыми строками. Носилась в рукава и в накидку». Этому описанию вполне соответствует верхняя одежда женщины, изображённой на бляшке, найденной Веселовским. Рукава в плечевой части имеют прорезы для продевания рук. Под разрезом рукав в плечевой части украшен нашивкой или вошвой, обычным украшением русской одежды за всё время её существования. Нижнюю часть рукава украшает ещё нашивка, наводящая на мысль о наших образцах или аламах (образцы — круглые или продолговатые и разного вида фигуры, кованые, литые, низанные или сажёные жемчугом; служили украшением на ферязях, кафтанах, однорядках и шапках; прикреплялись к вороту, на груди, на плечах, на боковых прорехах. Аламы — вырезок ткани, низанный жемчугом с камнями). Воротник, полы и подол этой одежды опушены мехом. Вдоль меховой опушки идёт полоска, напоминающая столь обычные в наших русских одеждах галуны, плетешки, золотные строки, также идущие вдоль меховых опушек.

Башлыки или митры носили как мужчины, так и женщины. Археологи М.И. Ростовцев и Н.Е. Макаренко в Мордвиновском кургане обнаружили высокий головной убор в захоронении скифской девочки, и этот клобук имел поразительное сходство с головными уборами хеттов (хетты, или хеттиты — древнейший народ Малой Азии и Сирии, о котором упоминается с половины XIV века до Р.Х.; долгие годы вели войну с Египтом. В XII веке до Р.Х. царство их распалось. По мнению профессора М.И. Ростовцева и других учёных, скифы находились с хеттами в преемственной культурной связи).

Прошедшие десятилетия со дня выхода в свет книги П.К. Сте-

Сарматские одежды по прориси с трёхкратного увеличения фотографии с части нашивной пластинки головного убора из кургана Карагодеуаш, III—II века до Р. Х.

панова подтвердили многие его выводы о тождественности одежды скифов как с одеждой предшественников (хетты, иранцы), так и с одеждой славянских народов средних веков и нового времени. Ю.А. Шилов в книге «Прародина ариев. История, обряды, мифы» (Киев, «Синто», 1995), основываясь на данных археологических раскопок 1970–1990 годов, заключает, что скифские одежды «подвержены влияниям Малой Азии и Переднего Востока; передача оторочек и их зигзагообразная орнаментика напоминает орнамент «хурритских рубах» — парадной одежды хеттов во II тысячелетии до н. э. Наиболее реалистично воспроиз-

ведена одежда на женскую фигуру, найденная у с.Монастырь возле Варны (Болгария). При общем сходстве с месопотамскими изваяниями, моделировка её юбки в вертикальных полосах, кофты с вырезным зигзагом понизу и широким воротом углом, повязанной «стрешком» косынки, донныне является традиционным убранством крестьянок Восточной и Центральной Европы».

А вот находка археологов в селе Волковицы Романского уезда Полтавской губернии: подковообразное головное убранство удивительно похоже на кокошник, какие девушки-крестьянки носили в начале XX века.

Украшениями головных уборов служили золотые давлёные бляшки; судя по количеству их на головах остовов при раскопках, они сплошь покрывали головной убор.

Другая разновидность начального украшения — венчики в виде золотой ленты, с травчатыми или иными узорами, с отверстиями в верхнем и в боковых краях для нашивания. К венчикам прикреплялись височные украшения, в виде колец или розеток с привесками, закрывавшими уши.

Серьги — самых разнообразных форм: в виде простого кольца, кольца с утолщением, с лепным изображением на нём зве-

рей, птиц, гениев (гений — дух-покровитель человека, добрый или злой), кольца с подвесками в виде розеток, репейников, гроздей винограда, пирамидок с зернью, в виде лунницы и т.д.

Нашейными украшениями служили гривны и ожерелья из тончайших цепочек наподобие тесьмы, украшенные привесками в виде репейника, а также золотые трубочки, цветные стеклянные, костяные и иные бусы с охранительными амулетами, нанизанные на нить.

Браслеты бывали в виде плоских обручей, иногда спиралеобразные, или, подобно гривнам, из перекрученного или круглого стержня, с фигурными изображениями по концам, и в виде нанизанных на нитку костяных или стеклянных бус.

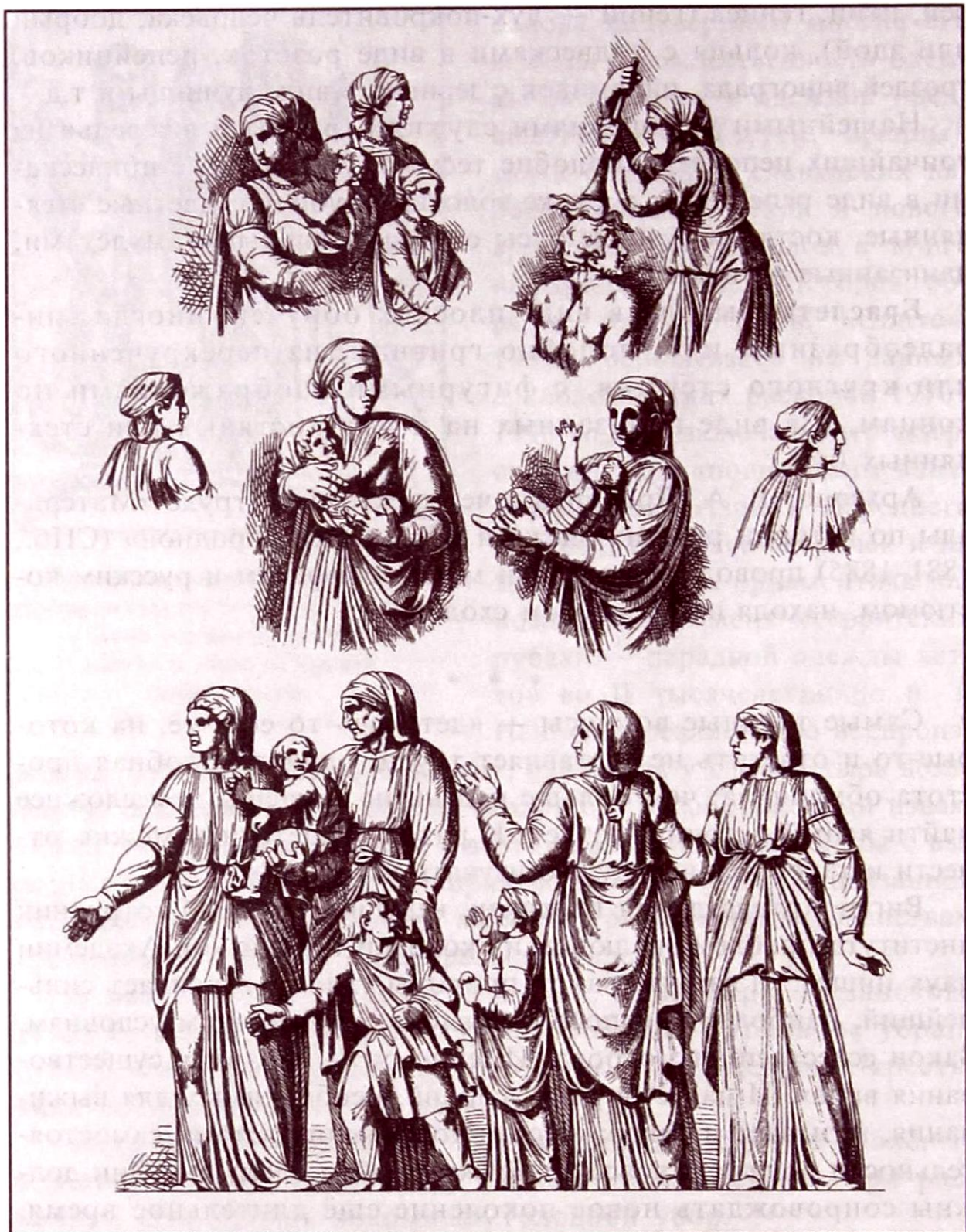
Археолог В. А. Прохоров в четырёхтомном труде «Материалы по истории русских одежд и обстановки народной» (СПб., 1881-1885) проводил параллели между скифским и русским костюмом, находя их во многом сходными.

* * *

Самые трудные вопросы — «детские» то есть те, на которые-то и ответить не составляет труда, однако подобная простота обманчива: чем больше над ними думаешь, тем сложнее найти ясный и точный ответ. К разряду «детских» можно отнести и такой: «Зачем нужно изучать историю?»

Виген Артаваздович Геодакян, ведущий научный сотрудник института проблем эволюции и экологии Российской Академии наук пишет: «Главный закон природы гласит: выживает сильнейший, наиболее приспособленный к окружающим условиям. Закон естественного отбора. Именно он — гарантия существования вида». И далее, в ряду условий, необходимых для выживания, называет и такое: «После достижения детьми самостоятельности родители вовсе не должны сойти со сцены. Они должны сопровождать новое поколение ещё длительное время, чтобы передать ему информацию о жизни, накопленную не только ими, но и полученную от предков. Это ведь тоже одно из условий выживаемости вида — передача всё более полной информации из поколения в поколение».

Все поколения русских людей XX века не выполнили основополагающего условия выживаемости. Вся наша история погребена под толстым слоем фальсификаций — намеренных

Женщины на Троянской колонне представлены с повязанными на голове платками, которых задняя часть спадает до плеч; у иных женщин, вероятно пожилых, совсем покрыта голова, а у других из-под покрывала на лбу видны волосы; может быть, это или молодые женщины, или девицы. Подобный головной убор замечается у нас с давних времён. Одежда женщин на Троянской колонне состоит из обыкновенной длинной рубашки; сверх неё другая, которой нижняя часть щегольски приподнята выше колен и заткнута концом своим за пояс. У некоторых рукава у плеч подвязаны и на шее видны монисты.

искажений. И ныне потомкам древних арийцев, скифов, славян собственная история известна почти в той же мере, как история, например, Новой Зеландии. Русский не помнит своего арийского происхождения, заглядывая в прошлое не дальше, чем на тысячу лет своей славной многотысячелетней истории.

Наш земляк Николай Гаврилович Чернышевский, писатель и историк, полтора столетия назад высказал мысль, актуальную и сегодня: «Все науки человек познать не может, но знать историю обязан, ибо история — душа человечества». Здесь человек — в смысле индивид, которому, к сожалению, ни на уроках истории в школе, ни на лекциях в университете не преподносят эту «душу человечества» в должной мере, о чём свидетельствует такой факт: в многочисленных телевизионных играх («Поле чудес», «О, счастливчик!», «Что? Где? Когда?» и т. п.) самые «опасные» для игроков вопросы — из истории и литературы. Можно по-разному объяснять этот феномен, но несомненно одно — свою историю, историю страны и родного края наши соотечественники знают плохо. Полагаете, ничего страшного нет в том, что человек рубежа XX и XXI веков не помнит, какие события происходили в России лет триста—пятьсот назад? Как сказать...

Джордж Оруэлл, английский писатель, подметил: «Тот, кто контролирует Прошлое, контролирует Будущее». Контролирует ли русский народ своё прошлое?

Не будем брать ни политику, ни экономику, ни культуру. Даже такие безобидные ипостаси, как быт, одежда нашего народа подвергаются осмеянию: «сермяжная правда», «посконная Русь», «лапотники» — сколько презрения к народной одежде! Нападки на всё русское, в том числе и на костюм народа, постепенно отравляли национальное сознание русских людей, прививали комплекс неполноценности русской нации.

Между тем не надо стыдиться своей истории, своей культуры, своих одеяний. Наша национальная одежда не хуже, а лучше — красивее, прочнее, удобнее — нежели заморская, навязанная насильно дворянам Петром I, а ныне повсеместно вытеснившая исконный русский костюм.

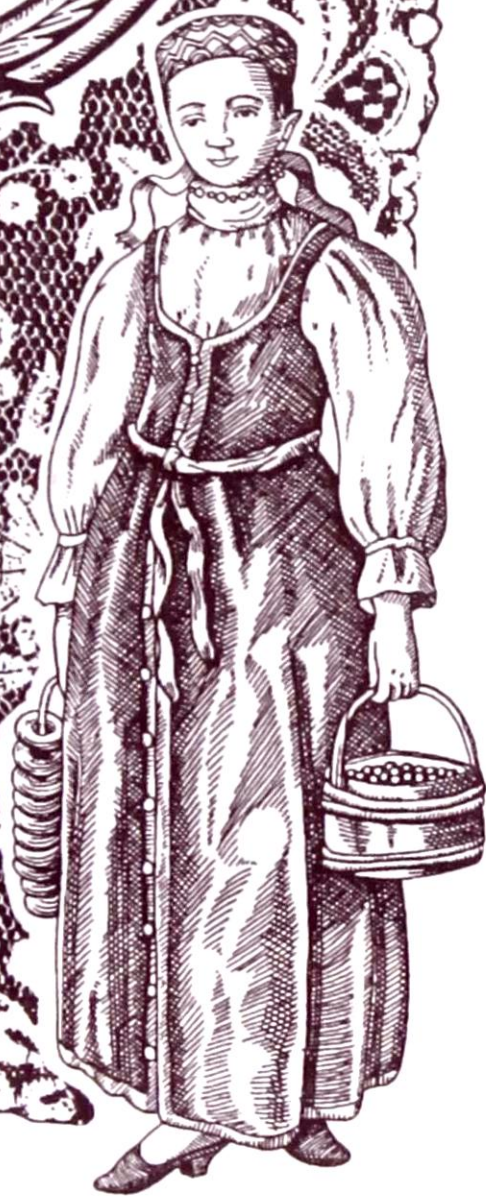
Журнал «Крокодил» к 60-летию СССР поместил на обложку (№ 36, 1982) нечто вроде дружеского шаржа на «единую семью народов». На рисунке, как на гробнице персидского царя

Дария, изображены представители народов, о коих пелось в гимне, что их «сплотила навеки великая Русь». Все — в национальных костюмах, и только сама Русь олицетворяется дюжим молодцом в... джинсовом рабочем комбинезоне. Можно, конечно, уловить здесь политический подтекст, но можно и понять художника: а во что же ещё облачать Ивана, если в жизни он носит то рабочую спецовку, то интернациональный костюм — брюки-пиджак?

Во что одевались русичи в Киевской и Московской Руси и как случилось, что потомки гордых скифов «багрец и золото» своих кафтанов променяли на блёклую невзрачность джинсовых курточек — о том дальнейший наш рассказ.

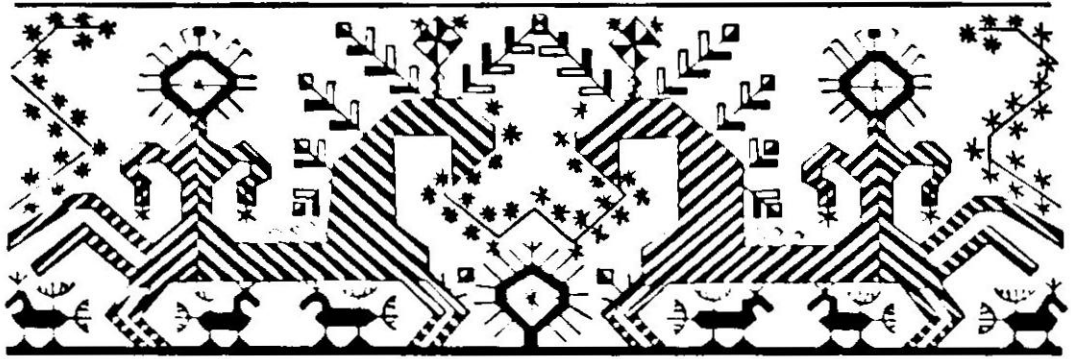
ГОРЬКА
РАБОТА,
ДА СЛАДОК
ХЛЕБ

В. А. ТРОПИНИН
Кружевница

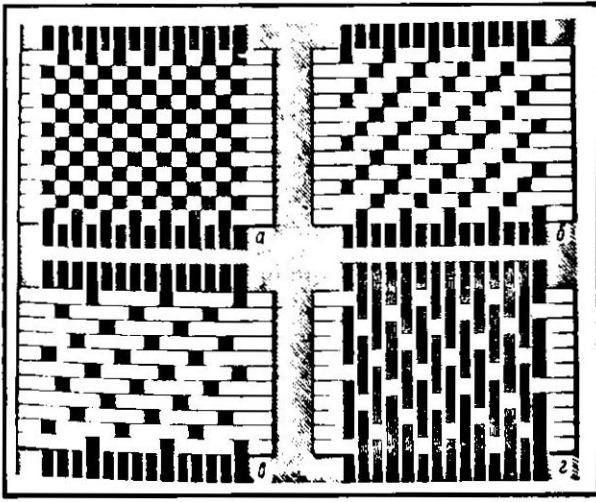

На вопрос о значимости одежды русский народ ещё в древности ответил пословицей: «Голоден переходит град, а наг ни двора». Неизвестен автор сего изречения, как безымянны изобретатели, подарившие миру рубашку и шапку, рукавицы и носки, стол и стул, лодку, парус, колесо...

Правда, Анатолий Васильевич Громов, редактор издающейся с 1993 года в Санкт-Петербурге газеты «Страницы российской истории» в первом номере опубликовал «Приблизительную хронологию древнего славянства», назвав имя изобретателя колеса — Колодей (появление колеса он относит к 10000–7000 годам до Р.Х.). Но исключение лишь подтверждает правило.

Что-то люди подсмотрели у природы (ту же лодку), иные предметы — плоды раздумий и смекалки (горшок, ложка, чашка), но воистину гениален тот, кто сумел среди разнотравья отыскать лён (на севере) или коноплю (на юге), догадаться, что внутри длинного стебля спрятаны нити! И не только увидеть, но и сообразить, как эти нити извлечь, как приготовить из них пряжу, как срезать лён с корня, как расстилать его в поле или вымачивать в ручье, как и где сушить, каким образом мять и трепать, дабы отделить волокна от кострики — грубой коры стебля (получить льняную нить гораздо труднее, нежели шёлковую: шёлк «прядёт» насекомое, и человеку остаётся лишь присвоить результат чужого труда).

Недюжинным умом обладал и тот, кто первым научился переплетать нити так, чтобы получилась ткань. Вернее не тот, а та — учёные считают: ткачество изобрели женщины. В природе нет готовой ткани, и человеку пришлось доходить своим умом до приспособления — ткацкого станка, — чтобы получать полотно, переплетая нити, как показано на рисунке. Здесь материя сложена из нитей белого и чёрного цветов; чёрные,

Простое переплетение нитей в тканях:

*a — полотняное; б — саржевое;
в — сатиновое; z — атласное.*

продольные нити — основа, белые, поперечные — уток. Нити основы гораздо прочнее нитей утка, видимо, отсюда и название — основа: на них как бы основывается, крепится полотно.

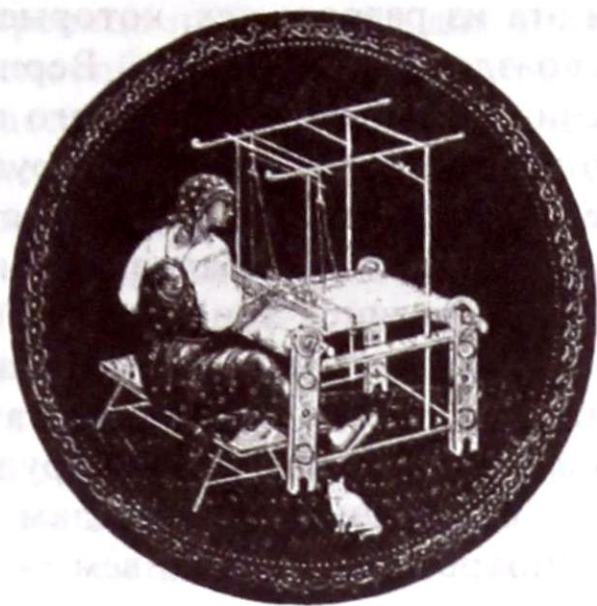
А такая мелочь, как иголка? Мелочь-то мелочь, а без неё куском ткани можно лишь обернуть тело, что и доньше делают люди, скажем, в Индии. Изобретение нити вызвало потребность и в иголке. Недаром молвится:

«Куда иголка, туда и нитка», «Иглой да бороной деревня стоит». Первые иглы делали из кости; их обнаружили в захоронениях, коим 32 тысячи лет. Из какой материи тогда шили одежду, сказать трудно: самые ранние из дошедших до нас кусочки ткани из льна согревали наших далёких предков семь тысяч лет назад.

Изготовление одежды из шкур требовало не только навыков, умения, но и — смекалки. Ведь шкура, снятая с того же волка, просто-напросто сгниёт на плечах, если... Вот это «если» и заставило охотника, укрывшего себя тёплым мехом, искать способ предохранения шубы от порчи. И он подметил, что шкуры, вымоченные в луже под дубом и затем высушенные — меньше гниют. Так люди открыли свойство коры дуба (и некоторых других деревьев, например, ольхи) укреплять кожи, не давать им разлагаться. Технология дубления кож служила человеку тысячелетия.

Сначала шкуру вымачивают в отваре дубового корья — не меньше и не больше положенного срока, весьма длительного: дубление сапожного товара, особенно подошв, длится несколько месяцев. Причём кожу, идущую на подмётки, прежде погружают в раствор золы — сгоняют шерсть. Потом кожу сушат, мнут — не вспотеешь в шубе, не попотев над выделкой и шитвом. Бывает, что и даром: счищая мездру, изнанку шкуры, невзначай тронут и замездрину — слой, в котором укреплены корни волос, — шкура облысеет — какая уж тут шуба...

Древнейшие ремесленники находили в природе нужные для поделок материалы, иногда — неожиданные и удивительные для нас. Скажем, всем известна присказка — «на рыбьем меху», то есть одежда холодная, продуваемая ветром, но мало кто знает, что умельцы в Тобольске из выделанной кожи налима делали мешки, кошельки, оконницы (плёнки вместо стёкол) и даже — халаты!

Ткачиха. Работа мастера Баканова из Палеха, 1926 год.

«Голь на выдумки хитра», а «Ремесло — не коромысло, плеч не оттянет» — приходилось нашим прадедам трудиться так, что «ноготки заламывались», ибо «Как потопаешь, так и полопаешь».

Полвека назад в учебнике «Родная речь» (продолжение «Букваря») привлекали учеников две картинки с одной подписью: «Прежде и теперь». На первой — мальчик лет семи-восьми в тулупчике, валенках, шапке-ушанке с полными вёдрами воды переступает порог избы; в глубине комнаты — мама стирает, склонясь над корытом. На другой картинке — мальчик в городской квартире играет с мячом. Рисунки эти призваны были убеждать ребят, как тяжело жилось детям прежде и как хорошо теперь. И рассказы в «Родной речи», и параграфы учебников истории, географии, литературы прививали мальчишкам и девчонкам своеобразный временной шовинизм, то есть чувство превосходства над людьми, жившими «и сто, и двести лет назад». Помню, я искренне жалел, читая исторические романы, героев, коим приходилось топить печь и жечь лучину, ездить в санях, влекомых лошадью... Настоящая жизнь, думал я, у нас и у тех, кто будет жить в XXI веке.

И не было рядом никого, кто бы подсказал: насладиться жизнью можно в любом веке, а счастье людское не зависит от способа освещения горницы, а прогресс — это не движение от простого к сложному: завтра станет лучше, чем вчера. Более того: жизнь не усложняется, но — упрощается, причём просто-

та эта из разряда тех, которые хуже воровства. Вернее, воровство здесь и замешано. Вернёмся к картинкам из «Родной речи». Мальчика, играющего в мяч, как раз-то и обворовали, до зрелых лет оберегая от труда, что противоестественно: безделье разрушает личность. В старину тем редким матерям, излишне нежившим, баловавшим детей, мудрые люди напоминали: «Засиженное яйцо всегда болтун», то есть из лентяя не вырастет путного человека. Заходя в избу, гости кланялись хозяевам со словами: «Дай Бог батюшке здоровья, а детки все к промыслу», ставя умение трудиться наравне со здоровьем. И если бы нашим прапрадедам довелось побеседовать с нами, посмотреть, как мы живём — они бы ужаснулись той примитивности мыслей и чувств, из которых сотканы наши представления о мире. Даже костюм современного человека проигрывает по всем статьям облачениям людей прошлых веков: он некрасив, непрочен, а то и вреден для здоровья.

Ну, а коли кто скажет: «Зато мы делаем ракеты и перекрыли Енисей»... Енисею, как и обитателям его берегов жилось лучше без плотины, что же до ракет... В Индии вот уже не одно тысячелетие стоит железная стела, стоит и не ржавеет. Ходят специалисты вокруг неё, исследуют, нет ли в ней каких-нибудь добавок, оберегающих от коррозии? Нет, чистое железо, которое по всем законам физики должно окисляться, однако — ни пятнышка ржавчины.

Также современной ткацкой технике не удалось превзойти ни китайскую камку, ни персидский бархат, ни коптские* ткани, хранящиеся в музеях.

Спору нет: сегодня наука может объяснить больше, нежели средневековые алхимики или учёные античности. Но объяснить существующее и создать новое — не одно и то же. Тысячелетия люди носят шерстяные вещи. Разгадать же, почему она сваливается в войлок и почему греет, даже промокнув под дождём, люди смогли, взглянув на волоски под микроскопом.

Оказалось, что в квадратном сантиметре шкуры насчитывается до 20000 волосков. И каждый из них — чешуйчатый, то есть наружный слой подобен черепице на крыше. На «черепице» волоса вода не задерживается, быстро стекает, не давая

* Копты — дальние родственники русского народа, арийское племя, населявшее в древности Египет.

шерсти промокнуть. При этом черепица проницаема для водяных паров, шерстяная одежда способна поглотить до 60 % влаги (по отношению к своей массе), оставаясь на ощупь сухой. Если человек остыл или перешёл в сухое помещение, шерсть постепенно отдаёт накопленную влагу. Благодаря этому свойству шерстяное нижнее бельё, валяная обувь, чулки действуют как насос, сначала вбирая выделяемый человеком пот, а затем отдавая влагу в наружную среду.

Уникальная черепицеобразная поверхность шерстяных волокон — главный фактор ценного свойства шерсти: при многократном сминании, скручивании, валянии с одновременной обработкой водой или слабым раствором кислоты зазубрины на чешуйках прочно цепляются друг за друга, волокна сближаются и переплетаются, образуя плотный конгломерат — войлок, хорошо сваливается шерсть грубошерстных овец, которая не годится для пряжи. Из неё и делают обычный войлок. Из пуха кроликов и зайцев готовят особо мягкий войлок — фетр.

Шерсть овец, коз, кроликов, верблюдов, лам идёт на пряжу, а вот шерсть лисиц, енотов, нутрий — не годится. В шуточной песне о Дуне-тонкопряхе язвили: она «пряла не тоньше полена». Научиться прядь тонко удавалось не всем, хотя девочки с семи-восьми лет садились за прялку. Каждая мечтала прядь так тонко, чтобы триста нитей, сложенных вместе, протянуть в обручальное кольцо, — тех, кому удавалось такое, и звали тонкопряхами.

Мастерового человека на Руси уважали, о чём свидетельствуют сотни пословиц: «Дело мастера боится», «Труд — отец богатства, земля — его мать», «Добрая работа два века живёт»... Даже такая пословица — «Работа не волк, в лес не убежит», — говорит о том же, ибо произносили её с иронией, насмехаясь над лодырями, коих было — один-два на село.

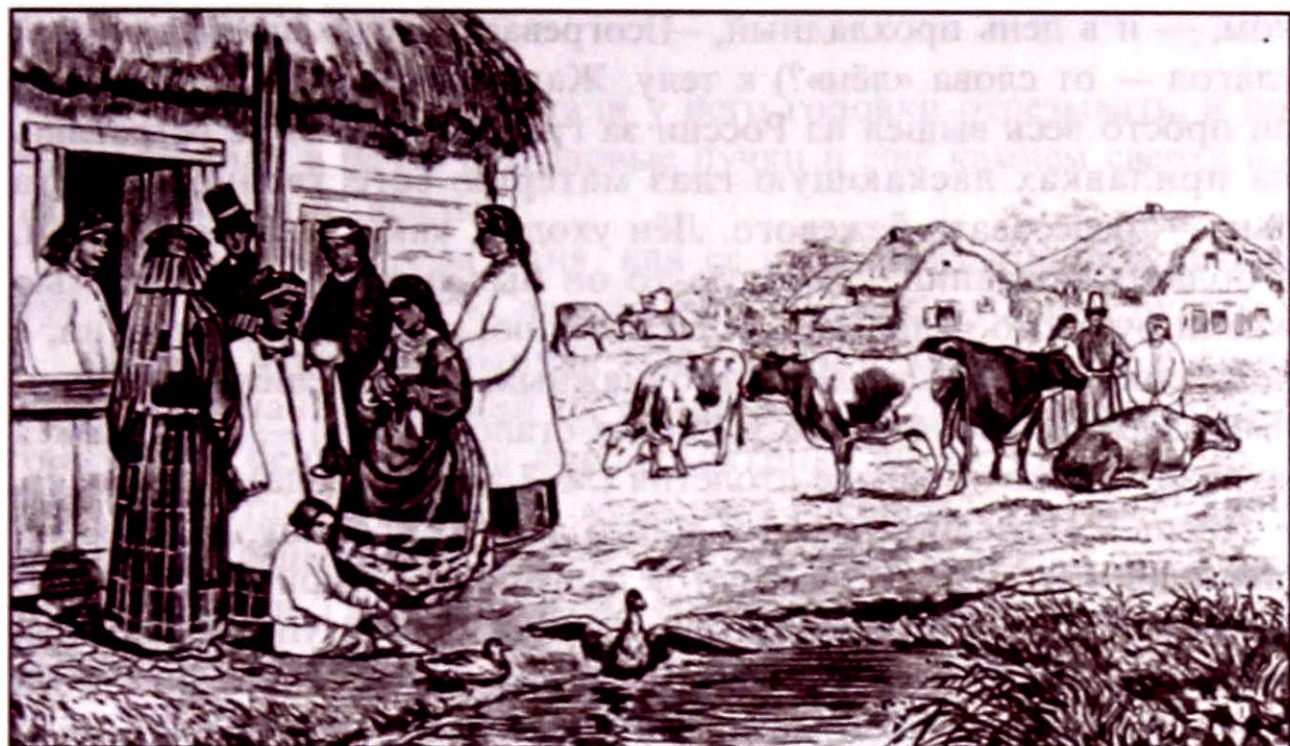
Наши предки различали понятия «мастерство» и «ремесло». Василий Иванович Белов как-то подсчитал: наш крестьянин за жизнь осваивал около трёхсот трудовых операций: пахал, сеял, косил, молотил, рубил деревья и дома, пилил и колол дрова и т.д и т.п. Конечно, что-то ему удавалось лучше, что-то хуже — «Тот и господин, кто всё может сделать один», потому что — «Не выучит охота, выучит неволя». Правда, помнили и такую поговорку: «Хорошо, если сам всё можешь сделать, да не ладно, когда сам всё делаешь», иной раз приходилось обращаться

за помощью к соседу, а то и приглашать мастера из соседней деревни, но стремились обходиться своими силами. «Ремесло пить-есть не просит, а само кормит», — наставлял отец сына, с малолетства приучал его к труду на своей земле. Ремесло и кормит, и одевает-обувает, ведь до начала XX века русский человек сам себе тачал сапоги из кожи выращенного на собственном подворье телёнка, сам шил рубашку из домашнего полотна, сотканного из конопли, выращенной за гумном. Работая от зари до зари, наш крестьянин, даже крепостной (а по статистическим данным 1858 года их в России оставалось всего 33 %), отбывая барщину, — три дня в неделю, — оставался самым свободным человеком, ибо зависел только от Господа Бога: даст Бог дождь — будет урожай, даст здоровье — всё остальное он сделает своими руками. Нас сейчас пытаются убедить, что мы наконец-то обрели свободу. Помилуйте, о какой свободе можно говорить, если обычный человек ныне полностью зависим от магазина (т.е. от людей, которые хотят — заведут товар в магазин, а захотят — в любой момент оставят вас голодными). Хлеб... Большинство сегодня и не представляет, как он растёт. Одежду нам привозят из Турции... Вот и подумайте, кто более свободен: полагающийся лишь на труды своих рук или же пользующийся плодами труда сотен людей?

«Солнце, воздух и вода — наши лучшие друзья» — провозглашает курортный афоризм. У русского мужика в старину самыми верными друзьями были рожь, лён, конь, корова и овца. Рожь и корова его кормили, конь — первый помощник и дома, и в дороге*, а лён и овца одевали его с головы до пят. «По горам, по долам ходит шуба да кафтан». Из овчины — выделанной шкуры овцы — шили тулупы, шубы. Из состриженной шерсти пряли нити и ткали сукно на кафтан. Что такое кафтан, понятно из двух пословиц: «Рубаха кафтана к телу ближе», «И кафтан греет, когда шубы нет». В. И. Даль так сталкивает слово «кафтан» — верхнее, долгополое мужское платье разного покроя: запашное, с косым воротом, чапан, сермяга, суконник, армяк; обычно кафтан шьётся не из домотканины, а из синего сукна...»

«Шёл я в осень, нашёл я восемь, мясо бросил, шкуру изно-

* Саратовский краевед А. С. Папшев утверждает: коня впервые приручили именно в наших краях скифы. Древний город Увек (Укек) свидетельствует тому: слово «укек» с древнерусского переводится как «конь».

Великороссы в воскресный день. Рисунок XIX столетия

сил, а голову съел», — что это такое? Не догадались? Тогда такая подсказка: «Били меня, колотили, во все чины производили, на престол с царём посадили?» Ещё загадка о том же: «Мал малышок в сыру землю зашёл, синю шапку нашёл?» Теперь уже нетрудно понять: речь идёт о растении с мягким и певучим именем — лён. Из льняного семени давили вкусное и душистое масло — отсюда «голову съел». «Мясо бросил» — это кострика, очёски — грубая часть стебля, негодная в дело, а «шкуру износил» — собственно сами волокна, из коих прядут нити. «Во все чины производили, на престол с царём посадили» — льняное бельё носили все сословия, от крестьян до царствующих особ, ибо нет ткани, как сейчас говорят, гигиеничней, нежели льняное полотно. Средневековый учёный Абу Али Ибн Сина, известный больше как Авиценна, так отзывался о разных тканях:

Шёлк с хлопком изобильны теплотою,
Льну не присуще качество такое.
Тепла верблюжья иль овечья шерсть,
Хоть сухость в ней и грубоватость есть.

На вкус и цвет товарищей нет: мне нравится моя льняная рубашка и в жару, — ткань приятно холодит, продувается ветер-

ком, — и в день прохладный, — согревает, мягко прильнув («сей глагол — от слова «лён»?) к телу. Жаль, лён вышел из моды, то ли просто весь вышел из России за границу: почти не встретишь на прилавках ласкающую глаз материю естественного цвета льна — белесовато-бежевого. Лён уходит, как и многое на Руси, в область преданий... А когда-то он был неотъемлемой частью жизни русского человека. «К сожалению, в прошлом столетии, с появлением хлопка и хлопчатобумажных, более дешёвых фабричных изделий, льноводство в России стало падать, — сокрушался журнал «Нива» в начале столетия (№ 7 за 1911 года). — Правда, и теперь из России вывозится много льна за границу, и лён является одним из главных предметов нашей экспортной торговли; но в самом народе льняные материи почти уже не употребляются, вытесненные ситцами и дешёвыми «набивками» — плохими, хотя и дешёвыми, хлопчатобумажными материями».

Сеют лён и ныне, но всё меньше и меньше голубеньких цветочков остаётся на русском поле...

Педагог и писатель Константин Дмитриевич Ушинский в прошлом веке написал об этом замечательном растении, пожалуй, самом «домашнем» из всех «приручённых» человеком, рассказ «Как рубашка в поле выросла».

I

«Видела Таня, как отец её горстями разбрасывал по полю маленькие блестящие зёрна, и спрашивает: «Что ты, тятя, делаешь?» — «А вот сею ленок, дочка: вырастет рубашка тебе и Васютке». Задумалась Таня: никогда она не видела, чтобы рубашки в поле росли.

Недели через две покрылась полоска зеленою шелковистою травкой, и подумала Таня: «Хорошо, если бы у меня была такая рубашечка!». Раза два мать и сёстры Тани приходили полосу полоть и всякий раз говорили девочке: «Славная у тебя рубашечка будет!». Прошло ещё несколько недель: травка на полоске поднялась, и на ней показались голубые цветочки. «У братца Васи такие глазки, — подумала Таня, — но рубашечек таких я ни на ком не видала».

Когда цветочки опали, то на месте их показались зелёные головки. Когда головки забурели и подсохли, мать и сёстры Тани повыдергали весь лён с корнем, навязали снопиков и поставили их на поле просохнуть.

II

Когда лён просох, то стали у него головки отрезывать; а потом потопили в речке безголовые пучки и ещё камнем сверху навалили, чтобы не всплыл.

Печально смотрела Таня, как её рубашечку топят; а сёстры тут ей опять сказали: «Славная у тебя, Таня, рубашка будет!»

Недели через две вынули лён из речки, просушили и стали колотить сначала доской на гумне, потом трепалом на дворе, так что от бедного льна летела кострика во все стороны. Вытрепавши, стали лён чесать железным гребнем, пока он сделался мягким и шелковистым. «Славная у тебя рубашка будет!» — опять сказали Тане сёстры. Но Таня подумала: «Где же тут рубашка? Это похоже на волосики Васи, а не на рубашку».

III

Настали длинные зимние вечера. Сёстры Тани надели лён на гребни и стали из него нитки прясть. «Это нитки! — думает Таня. — А где же рубашечка?»

Прошла зима, весна и лето, настала осень. Отец установил в избе кросна, натянул на них основу и начал ткать. Забегал проворно челночок между нитками, и тут уже Таня сама увидела, как из ниток выходит холст.

Когда холст был готов, стали его на морозе морозить, по снегу расстилать; а весной расстилали его по траве на солнышке и взбрызгивали водой. Сделался холст из серого белым, как кипень.

Настала опять зима. Накроила из холста мать рубашек; принялись сёстры рубашки шить и к Рождеству надели на Таню и Васю новые, белые как снег рубашечки».

Восточная пословица замечает: «Если сказать сто раз «халва, халва», — от этого слаще во рту не станет». А русская пословица утверждает обратное: «Если сто раз назвать человека свиньёй, то он захрюкает». Слово имеет огромную силу, как созидательную, так и разрушительную. Вероятно, каждый слышал выражения: «Домострой», «он живёт по домострою». Школьные учебники утверждают: Катерина из пьесы А. Н. Островского «Гроза» погибла, выражая протест против домостроевского уклада жизни. «Лучшие умы» прошлого века — Тургенев, Л. Толстой, Короленко, Горький, тем более писатели

советского времени внушали мысль о Домострое как о плётке в руках отца. Если он не пускал дочь на дискотеку, не разрешал ей дружить с подругами сомнительного (а то и несомненно порочного) поведения — его упрекали в приверженности к Домострою.

Я неоднократно повторил слово «домострой», не поясняя, что же это такое. Примерно так поступали и критики Домостроя: обвиняли его в мракобесии, ругали на все лады за реакционность, и в умах людей сложилось впечатление: Домострой — это плохо. Ежели кто хотел узнать, а что именно плохо, ему толкователи Домостроя отвечали: «Разве хорошо, коль муж бьёт жену, лупит детей?» И якобы цитировали: «Да убоится жена мужа своего». Тут даже самый недоверчивый соглашался: это действительно ужасно.

Домострой — система взглядов на жизнь, сам уклад русской жизни XVI века. Протопоп придворного Благовещенского собора в Кремле Сильвестр, — сподвижник молодого царя Иоанна Грозного, — собрал воедино разрозненные поучения и наставления в книгу и дал ей название — «Домострой». В советское время книга не переиздавалась, но в 1990-х годах появилось несколько публикаций этого замечательного памятника русской истории и литературы, в том числе и академическое (СПб., «Наука» 1994), и теперь каждый может сам составить своё мнение о Домострое, а не повторять за «толкователями»: «Мы не читали, но решительно осуждаем».

Давайте перелистаем главы «Домостроя», посвящённые рукоделию. Вот глава тридцать третья, в которой хозяйка наставляется «всякий домашний обиход и рукоделье всякое знать, и слуг обучать, и самой — трудиться»:

«А которая жёнка или девка рукодельна, так той указать дело: рубашку сшить или вышить убрус да выткать, или шить на пальцах золотом и челками — какую из них чему научили, да и это всё доглядеть и заметить. И каждой бы мастерице сама хозяйка отвесила и отмерила пряжи и шёлка, золотой и серебряной ткани, и тафты и камки, и рассчитать, и указать, сколько чего надобно и сколько чего дать, и выкроить и примерить — самой знать всякое рукоделие. Да и сама хозяйка ни в коем случае никогда, разве что занедужит или по просьбе мужа, без дела бы не сидела, так чтоб и слугам, на неё глядя, повадно было трудиться».

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>В. М. Клыков.</i> Встречают по одежке	3
Без корня и полынь не растёт	5
Горька работа, да сладок хлеб	43
Богатырская застава	121
Душа всему мера	155
Что в людях ведётся, то и у нас не минётся	191
Не в своём седле	229
Во всяком посаде в своём наряде	265
<i>Т. Г. Кайль.</i> «Зрю потаённую суть»	300
Толкования слов, касаемых старинных одежд и облачений, головных уборов и обуви, данные Владимиром Ивановичем Далем	322

Научно-популярное иллюстрированное издание

Владимир Ильич Вардугин

РУССКАЯ ОДЕЖДА

История народного костюма от скифских до советских времён с очерками обрядов, обычаев, нравов и суеверий, иллюстрированная гравюрами, рисунками и фотографиями мастеров XVIII—начала XX века, с приложением рассказа, как самим сшить нарядное платье по старинному крою

В авторской редакции

Художник Г. М. Панфёров
Художественный редактор В. К. Иванов
Технический редактор Л. А. Долгова
Корректор Т. Е. Вардугина
Компьютерная верстка - А. В. Смирнов

ИБ № 247

Налоговая льгота - Общероссийский классификатор продукции ОК 005-93-95300. Лицензия ЛР №010133 от 15.12.1996. Подписано в печать 23.01.2001. Формат 60x90 1/16. Бумага офсетная №1. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Усл. п. л. 22. Уч.-изд. л. 22,24. Тираж 5000. Заказ 2695.

Отпечатано с готовых диапозитивов издательства.

Региональное Приволжское издательство «Детская книга».
410600, г. Саратов, ул. Вольская, 63.

Государственное унитарное предприятие ордена Трудового Красного Знамени Саратовский полиграфический комбинат Министерства РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций. 410790, г. Саратов, ул. Чернышевского, 59.

